Р. Бланкъ.

Классовая борьба

и

Политическія коалиціи.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Е. Д. Кусковой.
1906.

Р. Бланкъ.

Классовая борьба
и
Политическія коалиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Е. Д. Кусковой.
1906.





Типографія Гр. СКАЧКОВА. Владимірскій пр., 7.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Допускаютъ-ли принципы классовой борьбы политическія коалиціи между пролетаріатомъ и буржуазіей?— Этотъ вопросъ очень старъ и много разъ разсматривался самыми выдающимися соціалистическими теоретиками. И тѣмъ не менѣе онъ въ моменты кризиса, при переходѣ отъ теоріи къ практикѣ, всякій разъ снова возрождается, какъ фениксъ изъ пепла, и настоятельно требуетъ пересмотра старыхъ рѣшеній теоретиковъ, „ревизіц", новаго разслѣдованія и новаго суда. Практика, жизнь, требуетъ къ отвѣту теорію и—наоборотъ. И снова возгарается великая борьба между практикой и теоріей, между дѣйствительностью и мыслью.

Но и въ этой борьбѣ, какъ во всякой борьбѣ, рѣшающее вліяніе обыкновенно имѣетъ не *право*, а *сила;* и здѣсь, какъ повсюду, господствуетъ желѣзный законъ: „Macht geht vor Recht".

Поэтому борьба практики съ теоріей обыкновенно кончалась очень печально для послѣдней: вчерашняя властительница думъ сразу сбрасывалась съ высокаго пьедестала и заключалась на болѣе или менѣе продолжительное время въ музей фантазій и утопій.

Но, несмотря на эту борьбу, вѣковѣчные противники мало-по-малу сблизились другъ съ другомъ, все болѣе и болѣе „понимали" другъ друга и въ концѣ концовъ начали цѣнить и уважать другъ друга.

Для соціалистической теоріи правильное отношеніе къ практикѣ установлено творцомъ теоріи научнаго соціализма, Карломъ Марксомъ. Это отношеніе замѣчательно мѣтко и ярко формулировано имъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Мы не выступаемъ передъ міромъ доктринерски съ новымъ принципомъ: „Вотъ Истина! Падай ницъ!"— мы развиваемъ міру новые принципы изъ принциповъ міра! Мы не говоримъ ему: оставь твою борьбу, ~~это все глупости~~, мы тебѣ скажемъ, за что тебѣ нужно бороться! Мы показываемъ ему только, за что онъ собственно борется..."

Этотъ принципъ образуетъ основаніе всей соціальной теоріи Карла Маркса, имъ Марксъ руководствовался также въ своей политической практикѣ, въ вопросахъ тактики, въ частности въ вопросѣ о *политическихъ коалиціяхъ* между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Непосредственное близкое участіе въ политической борьбѣ Марксъ принималъ, собственно говоря, только въ 1848-мъ году, скоро послѣ того, какъ его ученіе и принципы классовой борьбы были установлены имъ въ знаменитомъ „Коммунистическомъ Манифестѣ". Чрезвычайно интересно поэтому прослѣдить его тактику въ эту замѣчательную эпоху. Этому вопросу посвященъ первый очеркъ этого изданія: „Карлъ Марксъ въ 1848 г." *).

Оказывается, что Карлъ Марксъ придерживался въ 1848-мъ году чисто коалиціонной тактики. Это, конечно, еще не даетъ гарантіи въ томъ, что коалиціонная тактика дѣйствительно правильная; Марксъ, конечно, также могъ ошибаться. Но во всякомъ случаѣ нельзя послѣ этого утверждать, что только противоположная тактика есть истинно „марксистская". Марксъ, основатель ученія о классовой борьбѣ, считалъ, что его ученіе, ~~что~~ принципъ классовой борьбы вполнѣ допускаютъ временныя политическія коалиціи между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Но какъ относится къ коалиціонной тактикѣ самъ пролетаріатъ?—Для демократа этотъ вопросъ, по меньшей мѣрѣ, столь же важенъ, сколько вопросъ теоріи.— Этому вопросу посвященъ второй очеркъ этого изданія: „Взаимныя отношенія рабочей партіи и буржуазной демократіи въ Германіи" **).

Въ этомъ очеркѣ разсматривается отношеніе къ интересующему насъ вопросу той рабочей партіи, кото-

*) Этотъ очеркъ былъ первоначально напечатанъ въ „Вопросахъ Жизни" № 8 за 1905 г.

**) Первоначально напечатанъ въ „Вопросахъ Жизни" № 4—5, 1905 г.

рая изъ всѣхъ современныхъ рабочихъ партій наиболѣе проникнута принципами классовой борьбы, наиболѣе сознательна въ политическомъ отношеніи и притомъ наилучше организована. И что-же оказывается?— Эта рабочая партія, нѣмецкая соціалъ-демократическая партія, всегда признавала допустимость, болѣе того— необходимость временныхъ союзовъ съ буржуазной демократіей для совмѣстной борьбы за общіе интересы, съ перваго момента своего выступленія на политическую арену до сегодняшняго дня.

Конечно, нѣмецкій пролетаріатъ также можетъ ошибаться, но во всякомъ случаѣ нельзя послѣ этого утверждать, что противо-коалиціонная тактика—единственная истинно-*пролетарская*.

Нѣмецкій пролетаріатъ, точно такъ-же какъ и французскій, англійскій, бельгійскій и швейцарскій, не видитъ во временныхъ политическихъ союзахъ съ буржуазіей измѣны пролетарскимъ принципамъ и пролетарскимъ интересамъ.

Кто-же собственно противъ коалиціонной тактики?

Фактически систематическое сопротивленіе коаліціямъ между пролетаріатомъ и буржуазіей въ Западной Европѣ значительно слабѣе въ пролетаріатѣ, чѣмъ въ буржуазіи,—въ особенности въ правомъ крылѣ послѣдней, примыкающемъ къ феодальнымъ соціальнымъ элементамъ, въ той части буржуазіи, которая въ Германіи группируется въ націоналъ-либеральной и либерально-консервативной партіяхъ, а во Франціи—вокругъ Мелина, Рибо, Мотта и др. представителей и охранителей интересовъ высшей буржуазіи.

Причину и смыслъ антипатіи высшихъ слоевъ буржуазіи къ идеѣ коалиціи между буржуазіей и пролетаріатомъ нетрудно раскрыть: такая коалиція неизбѣжно привела бы къ господству *демократіи*, а этого высшая буржуазія, т. е. *денежная аристократія*, понятно, не можетъ желать. Эти господа знаютъ, чего они хотятъ: они очень „сознательны“ и хорошо понимаютъ, что соотвѣтствуетъ ихъ классовымъ интересамъ. Divide et impera! На этомъ принципѣ зиждется вся политическая власть высшей буржуазіи; противъ объединенной демократіи она была бы совершенно безсильной. —Это теперь ясно для всей демократіи, для рабочей демократіи столько-же, сколько для буржуазной демократіи, и поэтому теперь можно наблюдать во всѣхъ

странахъ Западной Европы быструю конгломерацію всѣхъ демократическихъ элементовъ. Классовая борьба не задерживаетъ теперь этого процесса, такъ какъ въ дѣйствительности между ними нѣтъ внутренняго противорѣчія, точно такъ-же, какъ нѣтъ противорѣчія между борьбой за національную независимость и союзами съ другими націями. Въ наше время, можетъ быть, ни одна нація не могла бы добиться и сохранить національной независимости безъ союза съ другими народами или ихъ „благосклоннаго нейтралитета". Точно также рабочій классъ нуждается во временныхъ политическихъ союзахъ для успѣшной борьбы за свою политическую независимость, за свои политическія права, необходимыя ему для его классовой, соціальной борьбы.

Р. Бланкъ.

Сентябрь, 1905 г.

Берлинъ.

I.

Карлъ Марксъ въ 1848 году.

1.

Когда въ Парижѣ вспыхнула февральская революція, послужившая какъ бы сигналомъ для революціоннаго движенія во всей Западной Европѣ, Марксъ жилъ въ Брюсселѣ политическимъ эмигрантомъ. Онъ стоялъ тогда во главѣ „Союза Коммунистовъ", для котораго онъ незадолго передъ тѣмъ выработалъ, совмѣстно съ Фридрихомъ Энгельсомъ, замѣчательную соціальную и политическую программу, служащую до сихъ поръ образцомъ для программъ всѣхъ соціалистическихъ партій всего міра. Это — знаменитый „Манифестъ Коммунистической партіи", или „Коммунистическій Манифестъ".

Союзъ коммунистовъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ эмигрантовъ, не имѣлъ тѣсныхъ связей съ практической политической дѣятельностью отдѣльныхъ странъ; его программа имѣла поэтому болѣе принципіальный, чѣмъ практическій характеръ. „Практическое примѣненіе этихъ общихъ положеній должно всегда и вездѣ находиться въ зависимости отъ исторически-сложившихся обстоятельствъ", замѣчаютъ авторы Коммунистическаго Манифеста въ предисловіи къ нѣмецкому изданію 1872 г.

Извлечемъ изъ Манифеста тѣ мѣста, которыя имѣютъ наиболѣе близкое отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Это прежде всего IV-я часть Манифеста, посвященная вопросу объ „Отношеніи коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ". Въ ней говорится *):

„Коммунисты борются во имя ближайшихъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса, но въ то же время они отстаиваютъ и будущность движенія. Во Франціи коммунисты

*) Мы цитируемъ по русскому переводу г. Плеханова.

примыкаютъ къ соціально-демократической партіи *) противъ консервативной и радикальной буржуазіи, при этомъ не отказываясь, однако, отъ права критически относиться къ усвоеннымъ по традиціи революціоннымъ фразамъ и иллюзіямъ.

„Въ Швейцаріи они поддерживаютъ радикаловъ, помня въ то же время, что эта партія состоитъ изъ противоположныхъ элементовъ: частью изъ соціалдемократовъ во французскомъ смыслѣ, частью изъ радикальныхъ буржуа.

„Въ Польшѣ коммунисты поддерживаютъ партію, ставящую аграрную революцію необходимымъ условіемъ національнаго освобожденія, ту самую партію, которая вызвала краковское возстаніе 1846 года.

„Въ Германіи коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ своей борьбѣ противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной поземельной собственности и мелкаго мѣщанства.

„Но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата“.

Послѣднее положеніе весьма важно въ принципіальномъ отношеніи, но практически оно въ эпоху буржуазной революціи, по тактическимъ соображеніямъ, не всегда примѣнимо, и самъ Марксъ въ 48-мъ году не руководствовался имъ, какъ мы послѣ увидимъ.

Въ революціонныя эпохи классовый антагонизмъ и безъ внѣшняго воздѣйствія крайне обостряется, съ усиленіемъ движенія центробѣжныя силы сами по себѣ быстро возрастаютъ, и соціальная борьба классовъ съ элементарной силой стремится на первый планъ, отодвигая *политическія* задачи на задній планъ. Эта коллизія соціальныхъ и политическихъ интересовъ иногда совершенно останавливаетъ революціонное движеніе или дѣлаетъ его безплоднымъ: исторія революцій богата примѣрами такого рода. Поэтому главная задача вождей революціоннаго движенія состоитъ въ томъ, чтобы сосредоточить вниманіе народа на *очередныхъ* вопросахъ: задача эта очень трудная, революціонная

*) Позднѣе Энгельсъ прибавилъ къ этому мѣсту слѣдующее замѣчаніе: «Партія, которая называла себя соціально-демократической въ тогдашней Франціи, была въ политикѣ представлена Ледрю-Роллэномъ, а въ литературѣ Луи-Блапомъ, слѣдовательно, была, какъ небо отъ земли, далека отъ нынѣшней нѣмецкой соціалдемократіи».

энергія по силѣ инерціи толкаетъ народъ дальше намѣченной цѣли и увлекаетъ самихъ вождей, въ особенности тѣхъ революціонныхъ вождей, которыхъ *конечныя* цѣли лежатъ далеко впереди ближайшихъ цѣлей. Марксъ также соединилъ въ началѣ революціоннаго движенія политическія требованія съ соціальными, избѣгая однакожъ узко-классовой точки зрѣнія. Воззваніе коммунистической партіи къ нѣмецкому народу обращается не только къ пролетаріату, но также къ мелкой буржуазіи и крестьянству *).

О требованіяхъ, выставленныхъ въ этомъ воззваніи, Францъ Мерингъ говоритъ въ своей „Исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи" **): „Эти требованія далеко не исчерпываютъ коммунистической программы, они остаются далеко позади тѣхъ мѣръ, которыя Коммунистическій Манифестъ предлагалъ „наиболѣе передовымъ странамъ" послѣ завоеванія пролетаріатомъ политической власти, они слѣдовательно считались съ экономической отсталостью Германіи. Тѣмъ не менѣе историческій ходъ вещей показалъ, что и *эта программа была преждевременна* при томъ уровнѣ экономическаго развитія, на которомъ Германія тогда находилась".

Эта программа поэтому не имѣла никакого практическаго значенія и не играла никакой роли въ движеніи; она, повидимому, тотчасъ же была забыта какъ ея читателями, такъ и ея авторами.

Само существованіе коммунистической партіи оказалось преждевременнымъ для Германіи 48-го года, и центральный комитетъ, во главѣ котораго стояли Марксъ и Энгельсъ, скоро распустилъ партію, посовѣтовавъ ея членамъ возвратиться на родину и, разсѣявшись въ народѣ, служить возбуждающимъ ферментомъ общаго революціоннаго движенія.

Тоже самое сдѣлали и Марксъ, и Энгельсъ. Поселившись въ Кельнѣ, важнѣйшемъ промышленномъ центрѣ Пруссіи того времени, они приступили къ изданію радикальной, но чисто политической газеты: „Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie". Характеръ этой газеты былъ чисто демократическій, почти безъ примѣси соціализма.

Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что соціалистическія идеи въ то время отнюдь не были чужды Германіи; они даже

*) См.: Enthüllungen zum Kommunisten-Prozess in Köln von Karl Marx mit Einleitung von Friedrich Engels, Einleitung, p. 11—12.

**) 1-ое изд., I т., стр. 361.

были очень модны: „къ концу 1847 г.,—говоритъ Марксъ въ очеркѣ тогдашняго настроенія нѣмецкаго общества *),— не было, по общему признанію, почти ни одной выдающейся личности въ буржуазіи, которая не выдавала бы себя за „соціалиста“, для того, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи пролетаріата. Мы еще увидимъ этихъ „соціалистовъ“ при работѣ“.

„Это стремленіе руководящей буржуазіи принять по крайней мѣрѣ внѣшнюю наружность соціализма, было послѣдствіемъ большой перемѣны, происшедшей въ характерѣ нѣмецкаго рабочаго класса. Съ 1840 г. часть нѣмецкихъ рабочихъ, бывшихъ на работѣ во Франціи и Швейцаріи, болѣе или менѣе прониклась незрѣлыми соціалистическими или коммунистическими взглядами, очень популярными въ ту эпоху среди французскихъ рабочихъ. Увеличеніе интереса къ этимъ идеямъ во Франціи ввело въ моду соціализмъ и коммунизмъ также и въ Германіи и, начиная съ 1843 г., всѣ газеты были переполнены разсужденіями о соціальныхъ вопросахъ. Скоро образовалась въ Германіи соціалистическая школа, отличавшаяся больше *неясностью*, чѣмъ *оригинальностью* своихъ идей; ея дѣятельность состояла главнымъ образомъ въ переводѣ ученій Фурье, Сентъ-Симона и другихъ съ французскаго на сумрачный языкъ нѣмецкой философіи“.

Этотъ соціализмъ не прельщалъ Маркса, а для другого, для *научнаго* соціализма, время, Марксъ это зналъ тогда еще не наступило. Марксъ остался вѣренъ той точкѣ зрѣнія, которую онъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ занялъ въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ въ „Deutsch-Französische Jahrbücher“.

„Мы не выступаемъ передъ міромъ доктринерски съ новымъ принципомъ: Вотъ Истина! Падай ницъ! Мы развиваемъ міру новые принципы изъ принциповъ міра! Мы не говоримъ ему: оставь твою борьбу, это все глупости, мы тебѣ скажемъ, за что тебѣ нужно бороться! Мы показываемъ ему только, за что онъ собственно борется, а сознаніе онъ *долженъ* себѣ усвоить, даже если онъ не хочетъ“.

Въ 1848 г. міръ боролся за *политическое* освобожденіе, рабочій міръ точно такъ-же, какъ и буржуазный. „Дѣйствительно, пока почва не была подготовлена для самостоятельныхъ дѣйствій рабочихъ, пока не было прямого и всеобщаго избирательнаго права, пока эти тридцать шесть

*) Revolution und Kontre-Revolution in Deutschland, p. 23—24.

большихъ и малыхъ государствъ продолжали рвать Германію въ безчисленныя лоскутья, что иное могла сдѣлать пролетарская партія, если не слѣдить за рѣшительнымъ движеніемъ въ Парижѣ и сообща съ мелкой буржуазіей бороться за тѣ права, которыя дали бы ей возможность вести свою собственную борьбу?" *).

Вѣрность этой точки зрѣнія подтверждаетъ, полъ-вѣка послѣ того, историкъ нѣмецкой соціалдемократіи Францъ Мейрингъ, принадлежащій къ самымъ радикальнымъ поборникамъ классовой борьбы:

„Марксъ и Энгельсъ имѣли за себя всю историческую логику и весь разумъ, когда они требовали, чтобы рабочій классъ въ его собственномъ интересѣ сначала обезпечилъ побѣду буржуазіи надъ абсолютизмомъ и феодализмомъ, и съ ѣдкимъ сарказмомъ отдѣлывали попытки „настоящаго соціализма" бороться съ либерализмомъ прежде, чѣмъ послѣдній покорилъ феодализмъ" **).

2.

Но, чтобы вполнѣ оцѣнить тактику Маркса, намъ необходимо познакомиться съ соціальными условіями Германіи въ 1848 г.

Относительно Пруссіи мы имѣемъ интересныя статистическія данныя, относящіяся къ 1852 г., слѣдовательно, очень близкія ко времени революціи. По этимъ даннымъ во всемъ мужскомъ населеніи въ возрастѣ свыше 14 лѣтъ было только 38,47% „собственниковъ"; 61,53% не имѣли хозяйственной собственности: сельскій пролетаріатъ, фабричный и ремесленный пролетаріатъ и проч.

Между различными профессіями мужское населеніе указаннаго возраста распредѣлялось такимъ образомъ:

Земледѣліе	50,95%	всего числа
Ремесла и механическія спеціальности ***)	18, 4%	„ „
Фабричное производство . .	12,36%	„ „
Торговля	6,05%	„ „
Военное сословіе	2,46%	„ „
Нищіе	5,33%	„ „ ****).

*) Karl Marx. Revolution und Kontre-Revolution in Deutschland, p. 49.

**) F. Mehring. Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie Stuttgart. 1897. Bd. I. p. 253.

***) «Handwerker und Mechanische Künstler».

****) Gewerbe-Tabellen für 1849 und 1852. herausgegeben von dem statistischen Bureau zu Berlin. Bd. V, p. 1084.

Уровень экономическаго развитія Пруссіи былъ въ то время еще очень невысокій, хотя, конечно, какъ видно изъ этихъ цифръ, значительно выше, чѣмъ въ Россіи нашего времени.

Общее соціальное и политическое состояніе всей Германіи описано самимъ Марксомъ въ уже упомянутыхъ нами очеркахъ, изданныхъ К. Каутскимъ подъ общимъ заглавіемъ „Revolution und Kontre-Revolution in Deutchland" *). Описаніе Маркса интересно не только по отношенію къ эпохѣ 1848 г. и не только по отношенію къ Германіи, сверхъ того оно характерно по отношенію къ самому Марксу и къ его методу разбираться въ сложныхъ явленіяхъ соціально-политической жизни, его тонкому и острому анализу, проникающему въ самую глубь вещей и разлагающему ихъ сложнѣйшія соединенія на первичные составные элементы.

„Каково было состояніе Германіи въ моментъ революціоннаго взрыва?"—такъ начинаетъ Марксъ свой очеркъ **).—„Составъ различныхъ народныхъ классовъ, служащій основаніемъ для политическихъ организацій, имѣлъ въ Германіи болѣе сложный характеръ, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ. Тогда какъ въ Англіи и Франціи сильная и богатая буржуазія, сосредоточенная въ большихъ городахъ и въ особенности въ главномъ, столичномъ, городѣ, совершенно уничтожила феодализмъ или по крайней мѣрѣ, какъ въ первой странѣ, сократила его до незначительныхъ формъ, феодальное дворянство сохранило въ Германіи значительную долю своихъ старыхъ привиллегій; почти повсюду преобладало феодальное землевладѣніе... Феодальное дворянство, тогда чрезвычайно многочисленное и отчасти очень богатое, считалось оффиціально „первымъ сословіемъ". Оно поставляло высшихъ правительственныхъ сановниковъ и занимало почти всѣ офицерскія должности въ арміи.

„Нѣмецкая *буржуазія* далеко не была такъ богата и концентрирована, какъ во Франціи или въ Англіи... Промышленные округи были малочисленны и находились далеко одинъ отъ другого... они лежали глубоко въ странѣ... и не могли образовать большихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, какъ Парижъ и Ліонъ, Лондонъ и Манчестеръ. Недостатокъ въ массахъ, и въ особенности въ сколько-нибудь концентрированныхъ массахъ, воспрепятствовалъ нѣмецкой буржуазіи достигнуть того политическаго господства,

---

*) Эти очерки были написаны Марксомъ въ 1851—52 гг. для Нью-Іоркской газеты „Daily Tribune".

**) Стр. 4 и слѣд.

которымъ англійскій буржуа пользуется съ 1688 года, а французскій—завоевалъ въ 1789 г. Однакожъ богатство, а вмѣстѣ съ богатствомъ также и политическое значеніе нѣмецкой буржуазіи безпрерывно возрастали, начиная съ 1815 г. Правительства были вынуждены, хотя и противъ ихъ желанія, считаться по крайней мѣрѣ съ ея ближайшими матеріальными интересами. Каждое политическое пораженіе буржуазіи влекло за собою побѣду въ области торговаго законодательства. И ужъ, конечно, прусскій покровительственный тарифъ 1818 г. и образованіе таможеннаго союза имѣло для торговыхъ и промышленныхъ людей много большее значеніе, чѣмъ сомнительное право выражать въ палатѣ какого-нибудь миніатюрнаго государства недовѣріе министрамъ, смѣявшимся надъ этими голосованіями.

„Но ростъ ея богатства и расширеніе ея торговыхъ сношеній скоро подняли буржуазію на такую высоту, при которой развитіе ея главнѣйшихъ интересовъ задерживалось политической организаціей страны, ея безсмысленнымъ раздробленіемъ между тридцатью шестью князьями съ противоположными стремленіями и прихотями, феодальными оковами, стѣснявшими и сельское хозяйство и связанную съ нимъ торговлю, назойливымъ надзоромъ невѣжественной и надменной бюрократіи надъ всѣми дѣлами буржуазіи. Въ то же время расширеніе и упроченіе таможеннаго союза, введеніе пара для средствъ сообщенія и возрастающая конкурренція на внутреннемъ рынкѣ сблизили торговые классы между собою, нивеллировали ихъ интересы и централизировали ихъ силу. Естественнымъ послѣдствіемъ всего этого былъ переходъ всѣхъ этихъ элементовъ въ лагерь либеральной оппозиціи и успѣшный результатъ первой серьезной борьбы нѣмецкой буржуазіи за политическую власть. Начало этого переворота можно отнести къ 1840 году, къ тому моменту, когда прусская буржуазія стала во главѣ движенія нѣмецкаго бюргерства“.

Затѣмъ Марксъ переходитъ къ характеристикѣ мелкой буржуазіи, рабочаго класса и крестьянства.

Мелкая буржуазія была очень многочисленная, въ большихъ городахъ она составляла почти большинство населенія, а въ меньшихъ городахъ совершенно преобладала. „Этотъ классъ, имѣющій самое высокое значеніе во всякой передовой странѣ и во всякой передовой революціи, въ Германіи особенно важенъ и игралъ рѣшающую роль въ послѣдней революціи“. Ея характеръ опредѣляется ея положеніемъ между высшей буржуазіей и пролетаріатомъ, она стремится вверхъ, но малѣйшая неудача сталкиваетъ ее внизъ, въ

пролетаріатъ; она притомъ находится въ экономической зависимости отъ высшихъ сословій; поэтому она крайне непостоянна въ своихъ взглядахъ. Когда феодальная власть сильна, мелкая буржуазія совершенно покорна, но она становится очень демократической, когда власть переходитъ въ руки буржуазіи; когда же пролетаріатъ выступаетъ на сцену, она совершенно теряется и впадаетъ въ жалкую робость".

„Рабочій классъ Германіи столь-же отсталъ отъ рабочаго класса Англіи и Франціи, какъ нѣмецкая буржуазія отъ буржуазіи этихъ странъ". Развитіе пролетаріата находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ развитія буржуазіи. „*Прежде чѣмъ всѣ различные слои буржуазіи и въ особенности ея самый прогрессивный слой, промышленники, не завоевали политической власти и не преобразовали государства соотвѣтственно своимъ потребностямъ, движеніе рабочаго класса никогда не можетъ быть самостоятельнымъ и не можетъ имѣть чисто пролетарскаго характера*".

Что касается крестьянства, то оно распадается на три группы: крупное крестьянство, мелкое и сельско-хозяйственные рабочіе. Всѣ эти группы были заинтересованы въ успѣхѣ революціоннаго движенія, хотя, конечно, не въ одинаковой степени; но крестьянство вообще не способно къ самостоятельному революціонному движенію, и очень трудно объединить сколько-нибудь значительную часть его для общей дѣятельности. „Крестьянство нуждается въ руководящей иниціативѣ концентрированнаго, развитаго и подвижнаго городского населенія".

Вся эта характеристика написана Марксомъ въ сентябрѣ 1851 г., когда революціонное движеніе уже совершенно улеглось. Смотрѣлъ ли онъ столь-же ясно на положеніе въ самомъ разгарѣ движенія? Объ этомъ трудно судить, такъ какъ онъ вообще въ теченіе всего 1848 г. воздерживался отъ всякихъ теоретическихъ и принципіальныхъ разсужденій. Эта воздержанность такъ противорѣчитъ натурѣ Маркса, что можетъ быть объяснена только тактическими соображеніями: въ разгарѣ революціонной работы теоретическіе споры не только безполезны, но часто также очень вредны, внося разладъ въ ряды революціонной арміи и отвлекая ее отъ практическаго дѣла. Марксъ, повидимому, избѣгалъ даже публичныхъ *программныхъ* споровъ: въ его газетѣ совсѣмъ нѣтъ программныхъ статей, нѣтъ даже „передовыхъ статей" въ обычномъ смыслѣ слова, вся газета посвящена обзору и критическому освѣщенію текущихъ

событій. Въ критикѣ Марксъ не стѣснялся и не щадилъ даже ближайшихъ товарищей, но эта критика касалась только тактики, не принциповъ. Мотивы этого образа дѣйствій отчасти выясняются замѣчаніемъ въ одномъ изъ первыхъ номеровъ „Neue Rheinische Zeitung“ (отъ 7-го іюня) по вопросу объ обще-германскомъ движеніи *):

„Окончательное конституированіе не можетъ быть *декретировано*, оно совпадаетъ съ движеніемъ, которое мы должны продѣлать. Дѣло поэтому не въ осуществленіи того или иного мнѣнія, той или другой политической идеи; дѣло въ пониманіи хода развитія“. Марксъ воздерживается поэтому отъ требованія единой германской республики: „мы не ставимъ утопическаго требованія,—говорится въ той же статьѣ,—чтобы à priori была прокламирована единая и недѣлимая германская республика“. Марксъ стоялъ на простой, практической, можно бы сказать—оппортунистической точкѣ зрѣнія. И могъ ли онъ поступить иначе?

„Тогдашнія нѣмецкія условія,—говоритъ Мерингъ,—требовали, чтобы рабочій классъ выступилъ здѣсь на революціонную сцену, сначала только въ качествѣ крайняго крыла демократической партіи“ **).

Вслѣдствіе этого „Neue Rheinische Zeitung“ производитъ впечатлѣніе почти чисто буржуазнаго органа. На современное рабочее движеніе въ Германіи она почти не указывала, какъ будто совсѣмъ не интересовалась имъ, не придавая ему самостоятельнаго значенія. Понятно, что это многимъ казалось очень страннымъ и привлекло редакціи много упрековъ. Марксъ не отвѣчалъ на нихъ публично и лишь въ 49-мъ году упоминаетъ объ этихъ упрекахъ и просто замѣчаетъ, что онъ „систематически (planmässig—планомѣрно) только тогда касался классовой борьбы, когда она непосредственно выступала на первый планъ“.

Впрочемъ и нѣмецкое рабочее движеніе того времени фактически не имѣло собственно классоваго характера, и его вожди, въ особенности самый выдающійся изъ нихъ ***), Стефанъ Борнъ, бывшій членъ Коммунистическаго Союза,

*) Не всегда можно установить, что въ „Neue Rheinische Zeitung“ было напечатано Марксомъ и что – Энгельсомъ. Марксъ былъ шефъ-редакторомъ и, по словамъ Энгельса, пользовался своимъ положеніемъ „диктаторски“; ужъ, конечно, онъ не пропускалъ замѣчаній, съ которыми былъ несогласенъ (См.: Mehring. Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, F. Engels und F. Lassalle, Bd. III, p. 269).

**) Ibid., p. 4.

***) См.: Mehring. Ibid., p. 83.

считали главной ближайшей задачей этого движенія энергичное содѣйствіе буржуазному политическому перевороту. „Das Volk“, органъ центральнаго берлинскаго комитета рабочихъ союзовъ, издававшійся подъ редакціей Борна, такъ опредѣлилъ свою программу въ редакціонной статьѣ перваго номера (25-го мая, 48-го года):

„Мы имѣемъ въ нашей Германіи очень многостороннюю задачу: съ одной стороны поддерживать бюргерство въ борьбѣ противъ аристократіи, противъ среднихъ вѣковъ, противъ силъ Божьей милости; заступаться за мелкихъ промышленниковъ противъ власти капитала...; при этомъ мы останемся въ сторонѣ отъ громкихъ декламацій неистовыхъ мечтателей, вѣчно хватающихся за веревку гильотины, потому что они не могутъ больше терять своей головы... и отъ всякаго слезно-трогательнаго и любвеобильнаго соціализма“. Черезъ нѣсколько дней, 3-го іюня, Борнъ возвращается къ этой темѣ и пишетъ:

„Наше время совсѣмъ, совершенно незрѣлое, наши условія половинчатыя, наша революція еще не соціальная революція, ея характеръ еще чисто политическій; и она не можетъ быть иной, потому что еще не имѣется на лицо тѣхъ условій, которыя необходимы для общественнаго переворота. *Наслаждайтесь, политики! Теперь ваше время!*“ *).

Послѣднее восклицаніе ярко отражаетъ настроеніе наиболѣе сознательныхъ соціалистовъ того времени, „коммунистовъ“, какъ они себя тогда называли для отличія отъ вульгарныхъ соціалистовъ. Они ясно видѣли, что на исторической очереди дня стоялъ не соціальный переворотъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а политическій, стояла не борьба рабочаго класса съ буржуазіей, а борьба демократіи съ остатками феодализма. Но нѣкоторые изъ нихъ считали нужнымъ сейчасъ предупредить рабочій классъ и буржуазію о предстоящей имъ въ будущемъ классовой борьбѣ. Марксъ, повидимому, не видѣлъ необходимости въ этомъ: онъ не скрывалъ существованія непримиримаго классоваго антагонизма и неизбѣжности кассовой борьбы—онъ высказался относительно этого самымъ опредѣленнымъ образомъ въ статьѣ отъ 28-го іюня по поводу іюньскихъ событій въ Парижѣ, но онъ, повидимому, не видѣлъ никакой пользы въ томъ, чтобы въ такой горячій моментъ, когда все вниманіе и всѣ силы должны быть сосредоточены на трудной ближайшей задачѣ, останавливаться на задачахъ болѣе отдаленнаго времени. И ужъ, конечно, въ образѣ дѣйствій Маркса

*) Изъ „Dokumente des Sozialismus“, T. I, 1901—1902. p. 74.

было болѣе принципіальной послѣдовательности и тактической выдержки.

О дѣятельности Маркса внѣ редакціи „Neue Rheinische Zeitung“ свѣдѣнія скудны. Извѣстно, что онъ былъ однимъ изъ предсѣдателей Кельнскаго Демократическаго Общества, членомъ центральнаго комитета демократическихъ союзовъ г. Кельна и участвовалъ въ организаціи съѣзда всѣхъ демократическихъ союзовъ кельнской области, состоявшагося въ серединѣ августа. Замѣчательно, что даже на этомъ съѣздѣ Марксъ не возбудилъ никакихъ принципіальныхъ вопросовъ; все время было посвящено чисто организаціоннымъ вопросамъ *). Повидимому, Марксъ во всѣхъ отношеніяхъ неуклонно придерживался характеризованной выше тактики и систематически избѣгалъ всего, что могло бы внести раздоры въ коалицію революціонныхъ фракцій, совершенно необходимую для успѣха революціоннаго движенія. Марксъ, конечно, былъ совершенно свободенъ отъ всякой идеализаціи буржуазныхъ стремленій, онъ зналъ чего можно ожидать отъ буржуазіи, и зорко слѣдилъ за всѣми ея движеніями: „при разнообразіи элементовъ, изъ которыхъ состоитъ въ Германіи демократическая партія, мы считали крайне необходимымъ особенно бдительно надзирать именно за демократами“,—писалъ Марксъ 26-го августа. Но гдѣ онъ могъ найти *другихъ* союзниковъ? и могъ ли пролетаріатъ достигнуть тогда чего-либо *безъ* союзниковъ?

Марксъ отнюдь не умалялъ революціонной мощи пролетаріата; по мнѣнію *Мейринга*, онъ даже *преувеличивалъ* ее, а между тѣмъ Мейрингъ, какъ теоретикъ крайняго лѣваго крыла нѣмецкой соціалъ-демократіи, самъ очень склоненъ къ преувеличеніямъ въ этомъ отношеніи. Въ I томѣ „Исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи“, стр. 388, онъ говоритъ о характерѣ „Neue Rheinische Zeitung“.

„Все, что можно найти ошибочнаго въ этой газетѣ, можно свести, какъ къ исходному пункту, къ одной ошибкѣ, которая красною нитью проходитъ черезъ тогдашнюю дѣятельность Маркса и Энгельса и состоитъ въ томъ, *что европейская классовая борьба казалась имъ находящейся на значительно болѣе высокой степени развитія, чѣмъ это было въ дѣйствительности*“.

Но въ первое время это не имѣло вліянія на тактику

*) См. отчетъ о съѣздѣ въ „Neue Rheinische Zeitung“, №№ 101 и 102, см. также Mehring. Geschichte der Deutschen Sozial-demokratie, Bd. 1, p. 378.

Маркса. Въ этомъ отношеніи его не поколебали даже кровавые іюньскіе дни, варварское подавленіе рабочаго движенія буржуазнымъ правительствомъ французской республики, хотя парижскіе ужасы потрясли его лично до крайней степени. Онъ не скрывалъ своего пламеннаго негодованія, не скрывалъ также, что *во Франціи*, по его мнѣнію, послѣ этихъ ужасныхъ дней политическая борьба окончательно уступила мѣсто чисто соціальной борьбѣ, непримиримой и безпощадной борьбѣ классовъ. Въ статьѣ, посвященной этимъ событіямъ, онъ пишетъ (28-го іюня):

„Fraternité“, братство противоположныхъ классовъ, изъ которыхъ одинъ эксплуатируетъ другой, эта Fraternité, провозглашенная въ февралѣ, начерченная большими буквами на лбу Парижа, на каждой тюрьмѣ, на каждой казармѣ,—ея истинный, настоящій, ея прозаическій характеръ состоитъ—въ гражданской войнѣ, гражданской войнѣ въ самой ужасной формѣ, войнѣ труда съ капиталомъ... Братство продолжалось только до тѣхъ поръ, пока интересы буржуазіи и интересы пролетаріата братались между собою“.

Но это не измѣнило въ глазахъ Маркса положенія дѣлъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ это „братаніе“ интересовъ буржуазіи и пролетаріата еще продолжается, еще возможно, еще необходимо; рѣчь идетъ, конечно, лишь о чисто политическихъ интересахъ, о чисто политическомъ „братаніи“. Марксъ поэтому говоритъ въ заключеніи статьи:

„Глубокая пропасть разверзлась передъ нами, но должна ли она сбивать съ дороги демократовъ, должны ли мы вслѣдствіе этого воображать, что борьба за форму государственнаго управленія безсодержательна, пуста, ничтожна?—Только слабые, малодушные характеры могутъ поставить такой вопросъ. Столкновенія, вытекающія изъ самыхъ условій буржуазнаго общества, должны быть продѣланы, они не могутъ быть профантазированы. Лучшій политическій строй тотъ, при которомъ соціальный антагонизмъ не стушевывается, не сковывается насильно, слѣдовательно только искусственно, только наружно. Лучшій политическій строй тотъ, въ которомъ онъ (соціальный антагонизмъ) выступаетъ на свободную борьбу, въ которомъ онъ, слѣдовательно, идетъ къ развязкѣ“.

3.

Но нѣмецкая буржуазія не сумѣла выполнить выпавшей на ея долю исторической задачи.

Революція 18-го марта принудила прусскаго короля,

Фридриха-Вильгельма IV къ полной капитуляціи передъ народомъ, къ передачѣ почти всей власти въ руки народнаго представительства. Народъ передалъ власть въ руки буржуазіи, въ надеждѣ, что она сумѣетъ воспользоваться ею въ интересахъ всего народа и своихъ собственныхъ. Шесть мѣсяцевъ власть оставалась въ рукахъ буржуазіи, и народъ спокойно ждалъ, чтобы она выполнила возложенную на нее задачу.—Послѣдняя была ясна и проста: прежде всего необходимо было очистить всѣ главныя позиціи государственнаго управленія отъ реакціонныхъ элементовъ, занять ихъ надежными людьми и укрѣпить ихъ въ прогрессивномъ смыслѣ; въ тоже время необходимо было сплотить всѣ прогрессивные элементы народа въ единую и сильную армію, способную защитить народную власть отъ всякихъ нападеній со стороны реакціи.

Буржуазное правительство не сдѣлало ни того, ни другого; оно поступило такъ, какъ еслибы ему было поручено не собрать и обезпечить плоды революціи, а подготовить почву для *контръ-революціи*.

Представители высшей буржуазіи, Кампгаузенъ, Ганземанъ и проч., были такъ счастливы, что попали, наконецъ, въ министерскіе дворцы, что „великодушно“ оставили всѣ другіе посты ихъ старымъ обладателямъ: вся старая бюрократія осталась въ прежнемъ положеніи. Допущенные къ королевскому столу, буржуазные парвеню поспѣшили усвоить „благородныя“ манеры придворнаго прусскаго юнкерства и отречься отъ компрометирующихъ связей съ революціонерами и демократами. Они скоро забыли, что своимъ счастьемъ они обязаны исключительно революціи и демократіи и что они уполномоченные той и другой, и приняли на себя роль *довѣренныхъ монарха*. Но монархъ отнюдь не признавалъ ихъ своими довѣренными и вообще отнюдь не питалъ къ нимъ какихъ-либо нѣжныхъ чувствъ; онъ ихъ *терпѣлъ*, потому что это было, до поры до времени, необходимо: это было необходимо, потому что они были представителями революціи и народа. Еслибы этой необходимости не было, Фридрихъ-Вильгельмъ IV никогда не взялъ бы себѣ въ сотрудники фабриканта и коммерсанта, а выбралъ бы людей болѣе близкаго къ нему круга и болѣе родственнаго ему образа мыслей.

Кампгаузенъ и Ганземанъ совершенно все это забыли, совершенно надъ этимъ не задумывались; не они одни, а весь соціальный слой, къ которому они принадлежали,— верхній слой буржуазіи.

Марксъ непрестанно обращалъ вниманіе демократіи на

странную и опасную тактику новаго правительства; 13-го іюня онъ пишетъ въ своей газетѣ: „Народъ допустилъ образованіе министерства изъ крупныхъ буржуа, и крупные буржуа тотчасъ же доказали свои тенденціи, предложивъ союзъ старопрусскому дворянству и бюрократіи. Высшая буржуазія, искони антиреволюціонная, заключила изъ-за боязни передъ народомъ, т. е. рабочими и демократической буржуазіей, оборонительный и наступательный союзъ съ реакціей".

22-го іюня Марксъ указываетъ на неизбѣжныя послѣдствія этой тактики: высшая буржуазія окажется обманутымъ плутомъ.—„Министерство Кампгаузена набросило на контръ-революцію либерально-буржуазное покрывало. Контръ-революція чувствуетъ себя достаточно сильной, чтобы сбросить съ себя тягостную маску... Господинъ Кампгаузенъ сѣялъ реакцію въ духѣ крупной буржуазіи, онъ ее пожиналъ въ духѣ феодальной партіи".

Но Марксъ не перестаетъ надѣяться, что буржуазія пойметъ, наконецъ, что до поры до времени ея интересы тѣсно связаны съ интересами всей демократіи. 21-го іюля онъ пишетъ: „Буржуазія не можетъ иначе завоевать себѣ господства, какъ имѣя временно на своей сторонѣ весь народъ, какъ выступая болѣе или менѣе демократически. Но связывать эпоху реставраціи съ іюльской эпохой, побуждать буржуазію, которая еще борется съ абсолютизмомъ, феодализмомъ, юнкерствомъ, съ господствомъ военщины и бюрократіи, — побуждать ее уже исключать народъ, уже порабощать его, уже отбрасывать его въ сторону, это—квадратура круга, неразрѣшимая историческая проблема".

Марксъ много разъ возвращался къ этой темѣ, но буржуазія была глуха и слѣпа и быстро мчалась внизъ по покатой плоскости. Въ это время реакціонные элементы успѣли снова сорганизоваться и стать въ боевую линію; а освободительная армія постепенно разстраивалась, теряла довѣріе къ своимъ вождямъ, теряла бодрость, энергію, теряла самый интересъ къ политическимъ задачамъ и возвращались къ своимъ личнымъ, обыденнымъ дѣламъ и заботамъ.

Въ октябрѣ король прогналъ буржуазныхъ министровъ, разогналъ народныхъ представителей и передалъ бразды правленія въ руки военщины и юнкерства: революція кончилась, началась контръ-революція.—Народъ почти не сопротивлялся, утомленный безплодной борьбой. Особенно спокойно отнесся къ реакціонному перевороту бывшій центръ революціоннаго движенія—Берлинъ и его граждан-

ская охрана по первому требованію власти возвратила свое оружіе по указанному адресу,—*около 25000 ружей!*—Въ провинціи было нѣсколько революціонныхъ вспышекъ,—она прежде была сравнительно спокойна и благодаря этому сохранила еще извѣстную долю революціонной энергіи,—но онѣ скоро были подавлены.

Попытка организовать сопротивленіе посредствомъ отказа отъ платежа налоговъ также не имѣла успѣха. Марксъ очень сочувствовалъ этой идеѣ. 11-го ноября онъ писалъ въ своей газетѣ: „Королевская власть противится не только народу, но также и буржуазіи. Такъ побѣждайте ее буржуазнымъ способомъ! А какъ побѣждаютъ власть буржуазнымъ способомъ?—Ее морятъ голодомъ. А какъ морятъ ее голодомъ?—Отказомъ отъ податей. Разсудите хорошенько! Всѣ прусскіе принцы, всѣ Бранденбурги и Врангели *) не производятъ и кусочка—солдатскаго хлѣба. Вы, вы сами производите хлѣбъ для солдатъ“.

Черезъ нѣсколько дней Марксъ, вмѣстѣ со своими товарищами изъ демократическаго комитета (Карлъ Шапперъ и Шнейдеръ II), обращается къ демократіи съ воззваніемъ организовать сопротивленіе. Этотъ интересный историческій документъ гласитъ:

„Воззваніе! Кельнъ, 18 ноября 1848 г. Рейнскій окружной демократическій комитетъ приглашаетъ всѣ демократическіе союзы Рейнской провинціи постановить и провести слѣдующія мѣры:

1. Послѣ того, какъ прусское Національное Собраніе постановило отказъ отъ податей, необходимо всѣми средствами сопротивляться противъ ихъ насильственнаго взиманія.

2. Необходимо повсюду организовать ополченіе для отпора врагу. Неимущихъ слѣдуетъ снабдить оружіемъ и аммуниціей на счетъ общинъ или на добровольныя пожертвованія.

3. Отъ властей должно требовать публичнаго заявленія, признаютъ ли они постановленія Національнаго Собранія и готовы ли они выполнить ихъ.

Въ случаѣ отказа надлежитъ назначить комитеты общественной безопасности, по возможности по соглашенію съ представителями общины. Общинные представители, сопротивляющіеся законодательному собранію, должны быть замѣнены другими посредствомъ всеобщаго голосованія“.

За это воззваніе Марксъ, Шапперъ и Шнейдеръ были

*) Первый министръ и главнокомандующій войсками.

преданы суду присяжныхъ по обвиненію въ призывѣ къ вооруженному возстанію.

Марксъ произнесъ блестящую защитительную рѣчь, которая произвела на присяжныхъ засѣдателей самое глубокое впечатлѣніе. Онъ имъ разъяснилъ, что его „преступленіе" состоитъ въ сущности въ томъ, что онъ горячо защищалъ интересы народнаго представительства и *буржуазіи*. Интересны замѣчанія Фридриха Энгельса къ этой рѣчи въ предисловіи къ ея новому изданію, написанномъ въ 1885 г.*):

„Эта рѣчь интересна въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, тѣмъ, что тутъ коммунистъ долженъ разъяснить буржуазнымъ присяжнымъ засѣдателямъ, что совершенные имъ поступки, за которые онъ находится передъ ними въ качествѣ обвиняемаго, таковы, что не только ихъ выполненіе, но и самое рѣшительное послѣдовательное развитіе, составляетъ собственно обязанность *ихъ* класса, буржуазіи. Одинъ этотъ фактъ достаточно характеризуетъ поведеніе нѣмецкой, въ частности прусской, буржуазіи въ эпоху революціи. Вопросъ былъ въ томъ, кто долженъ властвовать: общественныя и государственныя силы, группирующіяся вокругъ абсолютной монархіи,—феодальное крупное землевладѣніе, армія, бюрократія, поповство, или—буржуазія.

Пролетаріатъ, который тогда только возникалъ, лишь въ той мѣрѣ былъ заинтересованъ въ этой борьбѣ, въ какой онъ черезъ побѣду буржуазіи добивался воздуха и свѣта для своего развитія и свободнаго мѣста на боевомъ полѣ, на которомъ онъ въ будущемъ завоюетъ себѣ побѣду надъ всѣми другими классами. Но буржуазія, а вмѣстѣ съ нею и мелкое бюргерство, не трогается съ мѣста, не двигается, когда враждебное правительство нападаетъ на ея власть, разгоняетъ ея парламентъ, обезоруживаетъ ея гражданскую охрану и самую ее бросаетъ подъ осадное положеніе. Тогда передъ брешью выступаютъ коммунисты и призываютъ ихъ къ выполненію ихъ долга и обязанности. Противъ стараго, феодальнаго общества, оба, буржуазія и пролетаріатъ, образуютъ новое общество, оба стоятъ вмѣстѣ. Воззваніе, конечно, остается безъ успѣха, и иронія исторіи хочетъ, чтобы именно эта буржуазія судила революціоннаго, пролетарскаго коммуниста и контръ-революціонное правительство".

Буржуазія, сидѣвшая на скамьѣ присяжныхъ засѣдателей, оправдала коммуниста и даже поручила старшинѣ выразить ему благодарность за его поучительную рѣчь**).

*) Karl Marx vor den Kölner Geschworenen, Berlin. 1895, p. 4—5.
**) Mehring. Op. cit., Bd. I. p. 385.

4.

Но самъ Марксъ къ тому времени уже измѣнилъ свое отношеніе къ буржуазіи; онъ пришелъ къ заключенію, что ея политическая роль окончательно сыграна, что буржуазная революція вообще невозможна больше, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ передовыхъ странахъ. Переломъ начался въ ноябрѣ и постепенно развивался. 29-го декабря онъ рѣшительно пишетъ въ своей газетѣ:

„Исторія прусской буржуазіи, какъ и вообще исторія нѣмецкой буржуазіи, отъ марта до декабря, доказываетъ, что въ Германіи чисто буржуазная революція и установленіе господства буржуазіи подъ фирмой конституціонной монархіи невозможны, что возможны только феодальная и абсолютическая контръ-революція или соціально-республиканская революція“.

Онъ зналъ, что нѣмецкій пролетаріатъ самъ по себѣ слишкомъ слабъ для самостоятельной революціи, но онъ не могъ такъ скоро успокоиться, революціонное возбужденіе продолжало кипѣть въ его душѣ, и онъ лихорадочно искалъ выхода. И онъ его нашелъ, или думалъ, что нашелъ.

Онъ видѣлъ, въ какомъ напряженномъ состояніи находилась вся Европа, находились всѣ европейскіе народы, онъ зналъ соціально-политическія условія всѣхъ странъ и зналъ, сколько въ нихъ внутреннихъ противорѣчій,—всѣ страны, всѣ народы находились въ крайне напряженномъ состояніи: въ то же время внѣшнія отношенія странъ и народовъ также были крайне натянуты; вся Европа отъ одного конца до другого казалась насыщенной революціонной энергіей, такъ что малѣйшій толчекъ долженъ былъ вызвать взрывъ, который неизбѣжно долженъ былъ распространиться по всему континенту. Изъ этихъ элементовъ Марксъ составилъ грандіозную концепцію дальнѣйшаго хода историческихъ событій: взрывъ начнется, какъ всегда, во Франціи, тамъ всѣ условія соціальной революціи уже существуютъ, тамъ буржуазія уже выполнила свою историческую задачу, а пролетаріатъ уже готовъ приняться за свою; пролетаріатъ, вѣроятно, побѣдитъ. Тогда вмѣшается буржуазная Англія, традиціонная защитница всемірной буржуазіи; но въ самой Англіи тотчасъ же возстанетъ рабочій классъ—чартистская партія—и, можетъ быть, овладѣетъ кормиломъ правленія. Тогда Англія, стоявшая въ эпоху Наполеона во главѣ контръ-революціонныхъ армій, станетъ во главѣ революціоннаго движенія всей Европы, и

не только Европы, такъ какъ европейская война неизбѣжно перейдетъ въ всемірную войну; такъ Англія, можетъ быть, выкупитъ свою вину передъ революціей XVIII вѣка. „Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса, міровая война—вотъ содержаніе 1849 года“, —такъ Марксъ заканчиваетъ свою грандіозную диспозицію предстоящихъ историческихъ событій.—Онъ начертилъ ее въ послѣдніе часы 1848 г.

Марксъ умѣлъ быть реалистомъ, какъ никто другой; но онъ умѣлъ, какъ мы видимъ, также фантазировать, какъ никто другой. Онъ имѣлъ геніальный умъ и — геніальную фантазію...

Но вернемся къ дѣйствительности. Въ началѣ 1849 г. Марксъ ликвидировалъ свои связи съ буржуазіей. Въ апрѣлѣ онъ выступилъ изъ демократическаго общества, мотивируя это тѣмъ, что при разнообразіи элементовъ, соединенныхъ въ немъ, цѣлесообразная работа невозможна, и что лучше соединить тѣсные однородные рабочіе союзы. Въ то же время кельнскій рабочій союзъ отдѣлился отъ общей демократической организаціи и разослалъ другимъ рабочимъ союзамъ рейнской области приглашеніе на съѣздъ, съ цѣлью организовать областной рабочій союзъ и обсудить вопросъ объ участіи въ обще-германскомъ конгрессѣ рабочихъ союзовъ, который долженъ былъ состояться въ Лейпцигѣ.

Но Марксъ скоро былъ вынужденъ покинуть Кельнъ, высланный оттуда полиціей, какъ „иностранецъ“ (онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отказался отъ прусскаго подданства) и снова стать эмигрантомъ. 18-го мая онъ, въ послѣднемъ номерѣ „Neue Rheinische Zeitung“ прощается съ рабочими и совѣтуетъ имъ спокойно ждать дальнѣйшихъ событій и подходящаго момента для возобновленія борьбы и воздерживаться отъ безполезныхъ жертвъ. Это прощаніе по истинѣ трогательно. Приведемъ эти нѣсколько строкъ:

„Мы предостерегаемъ васъ въ заключеніе отъ всякаго „путша“ въ Кельнѣ. При военномъ положеніи Кельна вы безнадежно пропали бы. Вы видѣли, какъ въ Эльберфельдѣ буржуазія погнала рабочихъ на огонь и потомъ предала ихъ самымъ низкимъ образомъ. Осадное положеніе Кельна деморализировало бы всю рейнскую провинцію, а осадное положеніе было бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякаго возстанія въ настоящій моментъ. Пруссаки (прусская солдатчина) придутъ въ отчаяніе отъ Вашего спокойствія.

„Редакторы „Neue Rheinische Zeitung“ благодарятъ васъ на прощаніе за оказанное имъ участіе. Ихъ послѣднимъ словомъ будетъ повсюду и всегда: освобожденіе рабочаго класса!“

Изъ Кельна Марксъ переѣхалъ сначала въ Парижъ, но французское правительство также не хотѣло имѣть въ своей столицѣ такого опаснаго человѣка; и онъ былъ вынужденъ переѣхать въ Лондонъ, гдѣ и остался до конца своей жизни.

Къ осени туда съѣхались всѣ его сотрудники, за исключеніемъ Шаппера, находившагося въ тюремномъ заключеніи въ Висбаденѣ, и Молля, убитаго во время возстанія въ южной Германіи,—такъ назыв. Deutsche Reichsverfassungs-Kampagne, въ которой участвовали также Фр. Энгельсъ и другіе товарищи Маркса. Собравшись въ Лондонѣ, Марксъ, Энгельсъ и ихъ товарищи немедленно принялись за реорганизацію Коммунистическаго Союза, увѣренные въ скоромъ возобновленіи революціоннаго движенія. Въ то же время они основали журналъ подъ тѣмъ же именемъ, какъ ихъ кельнская газета: „Neue Rheinische Zeitung", печатавшійся въ Гамбургѣ, въ которомъ они подводили итоги революціонному опыту 48-го года и обосновывали свою новую тактику.

Послѣдняя получила яркое выраженіе въ „Обращеніи Центральнаго Комитета къ Союзу", составленномъ Марксомъ и Энгельсомъ въ мартѣ 1850 года *). Это воззваніе ярко отражаетъ впечатлѣніе, произведенное на Маркса жалкой ролью нѣмецкой буржуазіи въ революціи 48 г. Онъ потерялъ къ ней всякое довѣріе и не хочетъ болѣе имѣть ничего общаго съ нею, даже съ ея крайнимъ лѣвымъ крыломъ—демократической партіей. Послѣднюю онъ теперь считаетъ еще болѣе опасной для рабочей партіи, чѣмъ либеральную буржуазію, такъ какъ демократія хочетъ „подкупить рабочихъ подачками и посредствомъ временного улучшенія ихъ положенія подавить ихъ революціонную энергію". Поэтому онъ считаетъ необходимымъ, чтобы пролетаріатъ организовался въ чисто-пролетарскую, классовую партію, вооружился, готовился къ рѣшительной битвѣ и всѣми средствами *мѣшалъ* буржуазной демократіи занять господствующее положеніе въ государствѣ. Демократическая буржуазія стремится по возможности скорѣе заключить революціонную эпоху, самое позднее, когда всѣ политическія и соціальныя реформы ея программы будутъ осуществлены, между тѣмъ, какъ „нашъ интересъ, наша задача, это—сдѣлать революцію постоянной", до тѣхъ поръ, пока всѣ болѣе или менѣе имущіе классы будутъ отстранены отъ власти, и пролетаріатъ завладѣетъ государ-

---

*) K. Marx. Enthüleungen zum Kommunisten-Prozess zu Köln, изданіе 1885 г. (Zürich), стр. 75 и слѣд.

ственной властью, и объединеніе рабочихъ не только одной страны, но и всѣхъ главныхъ странъ всего міра настолько разовьется, что конкурренція пролетаріевъ этихъ странъ прекратится, и по крайней мѣрѣ главнѣйшія средства производства будутъ сосредоточены въ рукахъ пролетаріевъ". Рабочая партія, говорится далѣе въ воззваніи, должна безпрестанно поддерживать возбужденіе, не останавливаясь ни передъ какими актами. Въ то же время она должна всѣми средствами компрометировать буржуазную демократію, вымогая отъ нея обѣщанія, которыя она не сумѣетъ выполнить, и противопоставляя каждому новому обѣщанію новое, болѣе рѣшительное требованіе.

Читаешь это воззваніе и все спрашиваешь себя, неужели это писалъ *Карлъ Марксъ?* Но Энгельсъ это подтверждаетъ, онъ пишетъ въ предисловіи къ цитированному нами изданію, что Марксъ вмѣстѣ съ нимъ составилъ („редижировалъ") это обращеніе къ союзу *). Оставивъ поле практической дѣятельности, Марксъ какъ будто потерялъ почву подъ ногами и, разсматривая вещи съ неизмѣримой высоты, не имѣлъ масштаба для ихъ оцѣнки. Онъ увѣровалъ въ непосредственную близость коренного соціальнаго переворота. Не мало вліянія имѣла, вѣроятно, также перегрѣтая атмосфера тогдашней лондонской эмиграціи, дѣйствовавшая крайне возбуждающимъ образомъ на всѣхъ, не исключая и самыхъ сильныхъ и устойчивыхъ **). Почти всѣ вожди революціоннаго движенія всѣхъ европейскихъ странъ съѣхались тогда въ Лондонъ и всѣ они ждали возобновленія великой борьбы. Всѣ были увѣрены, что долго ждать не придется, и съ горячностью принялись за выработку боевыхъ плановъ и за подготовку новой революціи. Марксъ плохо чувствовалъ себя въ этомъ обществѣ; господство чувства, хотя бы и самаго благороднаго, надъ мыслью и—вѣры надъ знаніемъ, противорѣчило всѣмъ его вкусамъ, всей его натурѣ; „подготовку" революцій въ лондонскихъ клубахъ онъ считалъ безполезной игрой,

*) Можетъ быть, слово «*редижировали*» должно понимать въ буквальномъ смыслѣ, т. е. что Марксъ и Энгельсъ только *редактировали* воззваніе, составленное всѣмъ комитетомъ?

**) Марксъ писалъ объ этомъ въ 1875 г.: „Насильственное подавленіе революціи оставляетъ въ головахъ ея участниковъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые выброшены изъ родной сферы въ изгнаніе, сотрясеніе, дѣлающее даже дюжихъ людей, такъ сказать, невмѣняемыми на болѣе или менѣе продолжительное время. Они не могутъ найтись въ ходѣ исторіи, они не хотятъ признать, что форма движенія измѣнилась. Эта игра въ конспирацію и революцію одинаково компрометируетъ и ихъ самихъ, и дѣло, которому они служатъ". (См. ibid., p. 72)

но каждое его критическое замѣчаніе вызывало бурю протестовъ и даже личныя оскорбленія. Большинство эмигрантовъ стояло за коалицію всѣхъ демократическихъ элементовъ, и это, можетъ быть, также отчасти побудило Маркса рѣзко настаивать на противоположной тактикѣ. Скоро въ Коммунистическомъ Союзѣ возникли глубокія разногласія, приведшія къ его распаденію. Въ центральномъ Комитетѣ Союза большинство было на сторонѣ Маркса, и онъ, утомленный безполезными раздорами, предложилъ меньшинству—отдѣлиться. Свое предложеніе Марксъ подробно мотивировалъ на засѣданіи комитета 15-го сентября 1850 г.; эта мотивировка показываетъ, что Марксъ скоро освободился отъ своихъ иллюзій: „Мы говоримъ рабочимъ: вамъ придется продѣлать 15, 20, 50 лѣтъ гражданскихъ и народныхъ войнъ, не только для того, чтобы измѣнить *условія*, но также и для того, чтобы *вы сами* измѣнились и стали способны къ политическому господству, а вы, наоборотъ, говорите: „мы должны сейчасъ достигнуть власти или мы можемъ ложиться спать...“ Какъ демократы сдѣлали изъ слова *народъ* священное существо, такъ и вы изъ слова *пролетаріатъ*. Какъ и демократы, вы замѣщаете революціонное развитіе революціонной фразой“ *).

Болѣе подробно и еще болѣе безпощадно Марксъ объяснился съ тѣмъ, что онъ и Энгельсъ называли „игрой въ революцію“, въ послѣднемъ выпускѣ своего журнала, въ обзорѣ, составленномъ имъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ, помѣченномъ: Лондонъ, 1-го ноября 1850 г. Онъ уже ясно видѣлъ, что революціонный періодъ окончился и что никакими искусственными мѣрами нельзя его возобновить, что нужно успокоиться и выжидать:

„При общемъ расцвѣтѣ промышленности, когда производительныя силы буржуазнаго общества такъ пышно развиваются, насколько это вообще возможно при буржуазныхъ условіяхъ, не можетъ быть рѣчи о дѣйствительной революціи. Такая революція возможна только въ такіе періоды, когда эти два фактора—новыя производительныя силы и буржуазныя формы производства—впадаютъ во взаимное противорѣчіе. Эта перебранка, которой занимаются въ настоящее время отдѣльныя фракціи партіи порядка, взаимно компрометируя другъ друга, не даетъ ни малѣйшаго повода для новой революціи, напротивъ, она только потому и возможна, что положеніе вещей такое надежное и, чего реакція не знаетъ, такое буржуазное. Объ этотъ устойчивый

*) Ibid., p. 21.

фундаментъ всѣ реакціонные попытки задержать буржуазную эволюцію точно такъ-же разобьются, какъ и все моральное возмущеніе и всѣ вдохновенныя воззванія демократовъ. Новая революція возможна только вслѣдъ за новымъ кризисомъ. Но она такъ же несомнѣнна, какъ послѣдній“ *).

Послѣ этого Марксъ углубился въ научныя изслѣдованія въ Британскомъ музеѣ, а Энгельсъ вернулся къ своимъ торговымъ дѣламъ въ Манчестерѣ.

5.

Можно ли считать тактику Маркса въ 1848 г. вѣрной, цѣлесообразной?

Мы видѣли, что онъ самъ рѣзко измѣнилъ ее въ 1849 г.; но и новая тактика не удовлетворила его. Практическихъ, реальныхъ результатовъ не дала ни первая, ни вторая тактика. Однакожъ необходимо остановиться на одной изъ двухъ, такъ какъ третьей—нѣтъ.

Мы видѣли, на чемъ была основана тактика Маркса 49-го года: на вѣрѣ въ близость *соціальной* революціи; другого принципіальнаго основанія она не имѣла, и трудно придумать другое принципіальное основаніе для такой тактики въ моментъ кризиса, во время революціи, когда рѣшающую роль играетъ *ближайшая* задача. Но это основаніе скоро разрушилось, и Марксъ вынужденъ былъ отказаться также отъ соотвѣтственной тактики.

Онъ не отрекся отъ нея публично, не высказывался больше по этому вопросу, но его удаленіе съ поля битвы краснорѣчиво говоритъ объ этомъ. Несомнѣнно, что онъ не сожалѣлъ о своей тактикѣ 48-го года и считалъ ее вполнѣ соотвѣтствовавшей тогдашнимъ обстоятельствамъ: это ясно обнаруживается въ его статьяхъ въ „Daily Tribune“, отъ 1851 и 1852 гг. Фридрихъ Энгельсъ также считалъ тактику 48 г. вѣрной и еще въ *1885 г.* высказался въ этомъ смыслѣ: точно также *Францъ Мейрингъ*.

Принципіальныя основанія этой тактики ясно формулированы Марксомъ и, позднѣе, Энгельсомъ и Мейрингомъ: мы уже изложили эти основанія. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

„Столкновенія, происходящія изъ самихъ условій буржу-

---

*) См. F. Mehring. Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. Bd. III, p. 467—68.

азнаго общества, должны быть *продѣланы*, не могутъ быть *профантазированы*" (Марксъ).

„Противъ стараго, феодальнаго общества оба, Буржуазія и Пролетаріатъ, составляютъ новое общество и стоятъ вмѣстѣ" (Энгельсъ).

Подтвердились ли слова Маркса, вѣрны ли слова Энгельса?

Вся исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Прусская буржуазія всѣ эти шесть десятилѣтій, прошедшихъ съ 1848 г., не перестаетъ фантазировать о побѣдѣ надъ старымъ режимомъ безъ содѣйствія рабочей партіи, но въ дѣйствительности вся государственная власть Пруссіи до сихъ поръ всецѣло въ рукахъ феодализма или его прямого наслѣдника — юнкерства. Контръ-революціонная конституція, октроированная реакціей въ 1849 г., до сихъ поръ остается основнымъ государственнымъ закономъ прусскаго королевства, и либеральная буржуазія такъ же мало имѣетъ прямого вліянія на правительство и законодательство, какъ до 1848 г. Юнкерство и бюрократія по прежнему образуютъ высшія сословія, буржуазія по прежнему принадлежитъ къ tiers état, къ мѣщанскому сословію, которому иногда оказываютъ нѣкоторыя *милости*, но который не можетъ ничего *требовать*, потому что—не господствуетъ, не хозяйничаетъ въ государствѣ: Прусское государство принадлежитъ юнкерству, оно княжитъ и владѣетъ имъ, въ наше время почти столько же, сколько сто лѣтъ тому назадъ. Въ теченіе этого столѣтія прусская буржуазія чрезвычайно развилась; въ экономическомъ отношеніи она теперь самый сильный классъ въ странѣ, она почти столь же богата, какъ французская буржуазія. Конечно, правительство не оставило этого безъ вниманія и—обложило ихъ богатства соотвѣтственными налогами. Пруссія одна изъ первыхъ ввела подоходный налогъ и не простой, а *прогрессивный*; прусское юнкерство умѣетъ быть „прогрессивнымъ" если это ему выгодно. Культурный уровень и культурные заслуги прусской буржуазіи выше, чѣмъ у какой-либо другой буржуазіи: она дала всему міру самыхъ блестящихъ, представителей мысли и искусства, науки и техники, покрывшихъ свою родину неувядаемой славой и доставившихъ ей также, своими изобрѣтеніями и проповѣдями, огромныя матеріальныя выгоды. Конечно, эти заслуги не были оставлены безъ вниманія и поощренія; заслуженные представители третьяго сословія вознаграждались—чинами и титулами, самые почтенные изъ нихъ зачислялись въ тайные совѣтники, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, даже въ excel-

ленія, съ дарованіемъ дворянскаго достоинства. Такимъ образомъ „достойные" представители третьяго сословія принимаются иногда въ высшее сословіе, но, конечно, только въ самомъ зрѣломъ возрастѣ, въ юбилейные годы—70 или 75 лѣтъ,—и, конечно, кромѣ заслугъ, необходимо также свидѣтельство о благонадежности. Такой человѣкъ, какъ, напр., Рудольфъ Вирховъ, не могъ быть принятъ въ сословіе юнкеровъ, такъ какъ онъ былъ—*либералъ*, членъ свободомыслящей, прогрессивной партіи; онъ и въ тайные совѣтники былъ зачисленъ только при либеральномъ Фридрихѣ.

Таково политическое положеніе буржуазіи въ Пруссіи. Понятно, что положеніе рабочаго класса еще хуже. Рабочій классъ составляетъ для прусскаго правительства, какъ выразился въ прошломъ году вождь консервативной партіи, *объектъ* законодательства, не *субъектъ*. Онъ составляетъ въ государствѣ четвертый классъ, *послѣдній* классъ; онъ составляетъ основаніе всего соціальнаго зданія, но, какъ фундаментъ, остается внизу всего зданія и носитъ на себѣ всю его тяжесть. Господствующій классъ убѣжденъ, что такъ оно *должно* быть и такъ оно *должно* оставаться во вѣки вѣковъ. Конституція гарантируетъ всѣмъ гражданамъ полное равенство во всѣхъ правахъ, но примѣненіе конституціи, какъ и всѣхъ законовъ, находится въ рукахъ господствующаго класса и онъ ихъ примѣняетъ, какъ онъ *желаетъ*. Поэтому рабочій классъ фактически находится почти въ такомъ же положеніи, какъ если бы онъ былъ подчиненъ исключительнымъ законамъ. И администрація, и судъ проникнуты враждебнымъ чувствомъ къ рабочимъ и все толкуютъ во вредъ имъ: пробѣлы законовъ, ихъ недомолвки, односторонность и ихъ строгость, все, все обращается противъ рабочихъ; ни одинъ малѣйшій проступокъ не оставляется безнаказаннымъ, часто простые проступки превращаются въ тяжкія преступленія, а преступленія наказываются высшей мѣрой наказанія.

А между тѣмъ, прусскій пролетаріатъ прекрасно организованъ, и его культурный уровень очень высокій. Мы имѣемъ въ Пруссіи странное историческое явленіе: высокоразвитую буржуазію и высоко-развитой пролетаріатъ—подъ политической ферулой отсталаго и ограниченнаго юнкерства, хотя буржуазія и пролетаріатъ не только качественно, но и количественно далеко превосходятъ юнкерство, если ихъ взять вмѣстѣ,—но—они *не вмѣстѣ*,—въ этомъ главная причина этого страннаго явленія.

То же самое мы видимъ и въ Германской имперіи. Ея формально-демократическій строй: равное, прямое, тайное и

всеобщее избирательное право, почти нисколько не измѣнилъ этого положенія; расколъ демократическихъ элементовъ доставилъ и здѣсь господство реакціоннымъ элементамъ. А какъ юнкерство пользуется этой властью, показываетъ новый таможенный тарифъ 1902—03 г. съ хлѣбными пошлинами, отъ которыхъ Англія освободилась почти 3/4 вѣка тому назадъ. Но въ Англіи тогда для этой общей цѣли буржуазія соединилась съ пролетаріатомъ, какъ они всегда это дѣлали, когда на очереди стояла общая задача.

Прослѣдимъ теперь исторію Франціи съ 1848 г. Взаимныя отношенія буржуазіи и пролетаріата были здѣсь очень измѣнчивы. Соединившись наканунѣ февральской революціи для совмѣстной борьбы, буржуазная демократія и пролетаріатъ послѣ полнаго успѣха революціи сейчасъ снова отдѣлились другъ отъ друга. Послѣдствіемъ этого было возвращеніе къ власти реакціонныхъ элементовъ, господствовавшихъ подъ фирмой „Демократической Имперіи“ около двухъ десятилѣтій. Въ 1870 г. Имперія была низвергнута совмѣстными усиліями буржуазной демократіи и пролетаріата и вмѣсто нея снова была установлена республика. Но коалиція опять скоро распалась и опять реакціонные элементы стали у кормила правленія; до конца семидесятыхъ годовъ республикой управляли—монархисты. Затѣмъ прогрессивныя партіи, сплотившись сызнова, опять забрали въ свои руки государственную власть на болѣе длинный періодъ. Такъ власть переходила отъ реакціонныхъ элементовъ къ прогрессивнымъ и обратно, въ прямой зависимости отъ взаимныхъ отношеній между демократической буржуазіей и пролетаріатомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ разгарѣ такъ называемой аферы Дрейфуса, Франціи опять угрожалъ реакціонный coup d'état, и только союзъ всѣхъ демократическихъ элементовъ устранилъ эту опасность. И до сихъ поръ демократическій режимъ держится во Франціи только благодаря готовности пролетаріата поддержать буржуазію всякій разъ, когда этому режиму угрожаетъ опасность.

Точно также во всѣхъ другихъ передовыхъ странахъ побѣда или существованіе демократическаго режима находится въ тѣсной зависимости отъ взаимныхъ отношеній рабочей и буржуазной демократіи. Такимъ образомъ, вся политическая исторія второй половины девятнадцатаго вѣка подтверждаетъ упомянутыя положенія Маркса и Энгельса: въ борьбѣ съ феодальнымъ, старымъ обществомъ, представители новаго общества солидарны, „стоятъ вмѣстѣ“, *должны* стоять вмѣстѣ, пока старое общество не разрушено; при всемъ антагонизмѣ ихъ соціальныхъ интересовъ, ихъ

политическіе интересы пока одинаковые; пролетаріатъ заинтересованъ въ политической побѣдѣ буржуазіи, и эта побѣда должна быть „продѣлана", не можетъ быть „профантазирована".

Западно-европейскій пролетаріатъ въ общемъ достаточно проникся этимъ принципомъ и большею частью слѣдуетъ соотвѣтствующей тактикѣ, въ особенности въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ политическое сознаніе пролетаріата развито историческимъ опытомъ. Нѣмецкій пролетаріатъ отнюдь не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи, нѣмецкая рабочая партія несомнѣнно готова войти въ соглашеніе съ буржуазной демократіей и даже, если бы это было необходимо, съ либерализмомъ, для комбинированной,—общей, борьбы съ общими врагами, реакціоннымъ юнкерствомъ и реакціонной бюрократіей. Дрезденская и амстердамская резолюціи нисколько не противорѣчатъ этому. Въ Дрезденѣ и Амстердамѣ вопросъ о временныхъ соглашеніяхъ рабочей партіи съ буржуазной демократіей для опредѣленныхъ политическихъ цѣлей былъ связанъ съ общимъ, принципіальнымъ вопросомъ о тѣсной и, болѣе или менѣе, постоянной коалиціи обѣихъ партій ради цѣлей *соціальной реформы*, и съ теоретическими вопросами о „классовой борьбѣ", „историческомъ матеріализмѣ", „ревизіонизмѣ", о революціонныхъ и мирныхъ средствахъ борьбы и проч., и проч.; споръ шелъ не о детальномъ, практическомъ и конкретномъ вопросѣ, а о теоретическихъ и принципіальныхъ вопросахъ самаго общаго свойства. И оба конгресса, нѣмецкій въ Дрезденѣ и интернаціональный въ Амстердамѣ, почти единогласно постановили, что рабочее движеніе и впредь, какъ до сихъ поръ, должно руководствоваться теоріей и принципами Маркса и Энгельса. Детальнаго вопроса, занимающаго насъ въ этой статьѣ, ораторы этихъ конгрессовъ касались только вскользь; но эти случайныя замѣчанія, тѣмъ не менѣе, очень интересны,—въ особенности замѣчаніе самаго выдающагося и самаго авторитетнаго представителя современнаго марксизма, автора дрезденской и амстердамской резолюціи, Карла Каутскаго. Отвѣчая на замѣчаніе Жореса, что принципы дрезденской резолюціи воспрепятствуютъ совмѣстной борьбѣ соціалъ-демократіи съ буржуазной демократіей противъ реакціи, Каутскій говоритъ:

„Но наши дрезденскіе принципы не препятствовали нѣмецкой соціалъ-демократіи дѣйствовать въ этомъ духѣ. Уже коммунистическій манифестъ объявилъ, что коммунисты поддерживаютъ радикальную буржуазію тамъ, гдѣ она выступаетъ революціонно. *Мы въ Германіи поддерживаемъ*

буржуазную демократію противъ реакціи всегда и повсюду, гдѣ мы это можемъ, напр., при перебаллотировкахъ" *).

Дѣйствительно, нѣмецкая соціалъ-демократическая партія почти всегда, когда избирательная борьба сосредоточивается между кандидатомъ реакціи и кандидатомъ буржуазной демократіи, дружно поддерживаетъ послѣднюю, несмотря на то, что нѣмецкія буржуазно-демократическія партіи систематически уклоняются, нерѣдко открыто отказываются, поступать такимъ же образомъ по отношенію къ соціалъ-демократическимъ кандидатамъ. Неблагодарность и близорукость буржуазно-демократической партіи не отклоняла соціалъ-демократію отъ ея тактики, основаніемъ которой служили не мелкіе выборные счеты и разсчеты, а общіе принципы; соціалъ-демократія поддерживала при этомъ не интересы буржуазной *партіи*, а интересы *демократіи*, которыми она больше дорожитъ, чѣмъ самая демократическая изъ буржуазныхъ партій.

Такимъ образомъ нѣмецкая соціалъ-демократія при всѣхъ рѣшительныхъ моментахъ неизмѣнно придерживалась тактики, соотвѣтствующей тактикѣ Маркса въ 1848 г.

При послѣднихъ выборахъ въ прусскій ландтагъ она даже предложила демократической и либеральной партіи („Свободомыслящая Народная партія" и „Свободомыслящій Союзъ") общую коалицію для всей избирательной компаніи. Но буржуазная партія отклонила это предложеніе; она не можетъ отказаться отъ своей старой тактики „борьбы на два фронта", съ правой и съ лѣвой стороны, хотя эта тактика привела либеральную партію въ такое жалкое состояніе, какого она не занимаетъ ни въ одной другой конституціонной странѣ; нѣмецкій либерализмъ не только не имѣетъ никакого вліянія на правительственную и законодательную власть, но постепенно теряетъ всякое вліяніе на самую либеральную и демократическую буржуазію, которая большими массами переходитъ на сторону соціалъ-демократіи, или совсѣмъ отстраняется отъ участія въ политической борьбѣ; отчасти она переходитъ въ реакціонный лагерь.

Не въ Германіи только либеральная и буржуазно-демократическая партіи придерживаются такой тактики, полезной только для реакціонныхъ слоевъ и вредной для всѣхъ другихъ, въ особенности для самой либеральной партіи, у которой она отнимаетъ всякій raison d'être, всякій смыслъ и всякую возможность существованія. Повсюду либеральныя

---

*) Protokoll des Internationalen Sozialisten-Kongress zu Amsterdam. 1904 г., стр. 61.

партіи имѣютъ болѣе или менѣе сильную наклонность къ этой тактикѣ; во Франціи, напр., она выражается въ извѣстной формулѣ: „ni réaction, ni révolution!“ и въ политикѣ „концентраціи“. Эта тенденція проистекаетъ изъ самаго соціальнаго положенія либеральной буржуазіи, tiers—état“, между высшими „первыми“ классами и „низшимъ“, четвертымъ классомъ. Личныя стремленія, связи и моментальные экономическіе интересы сильно толкаютъ ее на сторону господствующихъ, „высшихъ“, классовъ, она привыкла къ политической зависимости и слабо чувствуетъ унизительность этого положенія, дальновидныхъ разсчетовъ она не любитъ, какъ не любитъ долгосрочныхъ векселей; она поэтому всегда склонна продать свое право политическаго первородства за чечевичную похлебку.

Демократія, руководимая не мелочными, личными разсчетами, а великимъ, массовымъ инстинктомъ, чувствуетъ и сознаетъ политическую солидарность всѣхъ элементовъ „новаго общества“; но колебанія высшихъ слоевъ буржуазіи и ихъ двухсмысленные, и прямо предательскіе, маневры вносятъ и въ ея ряды большое замѣшательство, легко переходящее въ расколъ. Какъ либеральная буржуазія колеблется между демократіей и аристократіей, такъ буржуазная демократія колеблется между пролетаріатомъ и высшей буржуазіей; это вызываетъ свою особую серію ошибокъ, недоразумѣній, конфликтовъ, предательствъ и—расколовъ.

Пролетаріатъ также подверженъ сильнымъ колебаніямъ, но они другого рода. Онъ не можетъ колебаться между двумя *сторонами*, потому что онъ только съ одной стороны имѣетъ „сосѣдей“, можетъ входить въ соглашенія и союзы; съ его другой стороны ничего больше нѣтъ. Но онъ колеблется въ оцѣнкѣ значенія чисто *политическихъ* переворотовъ для его классовыхъ интересовъ, онъ стремится къ перевороту болѣе радикальному—къ соціальному перевороту, въ сравненіи съ которымъ политическая борьба и политическіе перемѣны и перевороты представляются мелкой, незначительной игрой, которая можетъ занимать и интересовать только людей свободныхъ отъ болѣе серьезныхъ заботъ и интересовъ. Къ этому скептицизму присоединяется естественное, врожденное недовѣріе пролетаріата ко всему буржуазному и развиваетъ въ немъ центробѣжную силу высокой напряженности: не нужно большихъ потрясеній для того, чтобы эта сила стала дѣйствовать, иногда достаточно малѣйшаго колебанія или малѣйшей двусмысленности со стороны буржуазныхъ союзниковъ. Тогда пролетаріатъ отказывается отъ союзной революціонной арміи и—или бросается

въ борьбу одинъ, на собственный страхъ и рискъ, и только за *себя*, за *свой* классъ, въ рѣшительную, соціальную, классовую борьбу за *все* и противъ всѣхъ, или, —совсѣмъ удаляется съ поля битвы и возвращается къ своимъ обыденнымъ занятіямъ. Первое случилось, въ 1848 г. въ Парижѣ (іюньское возстаніе), второе—въ Берлинѣ. Это послѣдній актъ революціи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ революція оканчивается, доигрывается и—*проиграна*. Начинается контръ-революція, реакція. Разница при этомъ состоитъ только въ томъ, что въ первомъ случаѣ возвращеніе реакціи сопровождается потоками народной крови,—какъ это было въ Парижѣ, а во второмъ случаѣ оно происходитъ тихо, просто, какъ бы по росписанію,—такъ было у нѣмцевъ, въ Берлинѣ.

Съ 1848 г. пролетаріатъ, правда, чрезвычайно выросъ и развился, но и теперь онъ нигдѣ не въ состояніи побороть реакцію самостоятельно, безъ союзниковъ;—ни во Франціи, гдѣ его боевая энергія такъ развита, ни въ Германіи, гдѣ онъ такъ образцово организованъ, ни въ Англіи, гдѣ онъ и организованъ и очень многочисленъ, ни въ одной другой странѣ. Повсюду онъ только при поддержкѣ другихъ классовъ, при коалиціи съ ними можетъ добиться сколько-нибудь существенныхъ уступокъ и ужъ во всякомъ случаѣ не можетъ совершить политическаго переворота. Но, можно спросить, имѣетъ ли политическій переворотъ и вообще политическія формы, существенное значеніе для классовыхъ интересовъ пролетаріата, для его классовой борьбы, для его конечныхъ цѣлей и идеаловъ? Это, конечно, спорный вопросъ. Жюль Гэдъ, напримѣръ, отвѣчаетъ на него отрицательно; „для пролетаріата, — писалъ онъ въ 1900 г. въ газетѣ „Petit Sou",—все равно, живетъ ли онъ въ имперіи или республикѣ, находится ли во главѣ государства Вильгельмъ или Лубэ". Но только очень незначительная часть французскаго пролетаріата согласна въ этомъ отношеніи съ Гэдомъ; а внѣ Франціи сознательный пролетаріатъ почти единодушно убѣжденъ въ противномъ. Во всѣхъ странахъ соціалъ-демократія глубоко убѣждена въ совершенной необходимости демократическихъ учрежденій для развитія и организаціи пролетаріата, для цѣлесообразной и успѣшной классовой борьбы; она стоитъ въ этомъ отношеніи до сихъ поръ на той же точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ Марксъ въ 1848 г. Мы уже цитировали разъ отвѣтъ Маркса на этотъ вопросъ, но мы повторимъ его здѣсь, онъ заслуживаетъ самаго большого вниманія:

„Глубокая пропасть резверзлась между нами (послѣ кроваваго подавленія буржуазнымъ республиканскимъ пра-

вительствомъ іюньскаго возстанія парижскихъ рабочихъ), но должна ли она сбивать съ пути демократовъ, дожны ли мы вслѣдствіе этого воображать, что борьба за форму государственнаго управленія безсодержательна, пуста, ничтожна? Только слабые, малодушные характеры могутъ поставить такой вопросъ. Столкновенія, вытекающія изъ самихъ условій буржуазнаго общества, должны быть продѣланы, не могутъ быть профантазированы“.

И Марксъ, и Энгельсъ, и вся нѣмецкая соціалъ-демократія, точно такъ же, какъ и вся интернаціональная соціалъ-демократія, признавали и признаютъ необходимость временныхъ союзовъ между всѣми представителями „новаго общества“, всѣми прогрессивными элементами, безъ различія класса, для борьбы со „старымъ обществомъ“, съ реакціоннымъ строемъ, и никто изъ нихъ не видитъ въ этомъ противорѣчія съ соціалъ-демократическими принципами. Всѣ затрудненія и препятствія тутъ чисто практическаго характера; союзная или коалиціонная тактика ставитъ чрезвычайно высокія требованія къ личности вождей движенія и къ его организаціи. Легко *слѣдовать* за движеніемъ, сравнительно нетрудно идти *во главѣ* движенія, когда сзади напираетъ компактная и могучая народная масса, но трудно *управлять* имъ, *направлять* его, въ особенности когда движеніе очень интенсивное и состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ. Но въ этомъ именно и состоитъ главная задача и главная обязанность вождей и организаторовъ политическаго движенія. *Тяжелая* обязанность, но *обязанность*; трудная задача, но отнюдь не невыполнимая; въ политической исторіи есть не мало примѣровъ ея вполнѣ удовлетворительнаго выполненія.

II.

Взаимныя отношенія рабочей партіи и буржуазной демократіи въ Германіи.

1.

Въ послѣдніе годы вопросъ о сплоченіи всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ для энергичной борьбы съ общими врагами живѣйшимъ образомъ занимаетъ общественное мнѣніе Германіи. Реакція господствуетъ по всей линіи и пользуется своею властью безъ всякихъ стѣсненій; но успѣшно бороться съ сильнымъ противникомъ можно, конечно, только опираясь на соразмѣрную силу, а такой ни одна изъ оппозиціонныхъ партій въ отдѣльности не имѣетъ за собой. Самая сильная изъ оппозиціонныхъ партій, соціалъ-демократическая партія, имѣетъ на своей сторонѣ почти третью часть всѣхъ избирателей рейхстага, но и она не можетъ думать о *наступленіи* на реакцію и вынуждена ограничиваться *дефенсивой*. Она это открыто признаетъ. Такъ, Карлъ Каутскій писалъ въ 1903 г., сейчасъ послѣ послѣднихъ выборовъ, въ статьѣ „Was nun?“—„Что же теперь?“:

„*Въ области избирательнаго права можно рекомендовать дефенсиву*, а *наступленіе* во всѣхъ другихъ областяхъ, какъ, напр., нормальный рабочій день, право союзовъ, сокращеніе продолжительности военной службы, податная реформа, реформа уголовнаго производства, таможенные тарифы и торговые договоры“ *).

---

*) „Neue Zeit.“, 1903, II. p.737.

Это программа вождя *лѣваго* крыла нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Но и въ этой, столь ограниченной, области наступленія позитивные результаты при господствѣ реакціонныхъ партій невозможны, а это господство опирается именно на той избирательной системѣ, съ которой Каутскій считаетъ невозможнымъ бороться въ настоящее время *); поэтому слова Каутскаго представляютъ въ сущности признаніе невозможности успѣшной борьбы съ реакціей при данныхъ условіяхъ. Правда, статья Каутскаго вызвала протесты въ соціалъ-демократической партіи, но это не измѣняетъ положенія дѣла: можетъ быть, Каутскому и не слѣдовало *писать* этого, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ вѣрно оцѣнилъ соотношеніе парламентскихъ силъ.

Реакція сильна, занимаетъ удобныя позиціи, хорошо организована, хорошо вооружена и имѣетъ многочисленную армію. Прогрессивныя силы въ общемъ отнюдь не уступаютъ силамъ реакціи, но онѣ *разъединены* и тратятъ большую долю своей энергіи на *взаимную борьбу*. Поэтому господство реакціи пока непоколебимо въ Германіи, поэтому вопросъ о сплоченіи всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ всѣхъ соціальныхъ классовъ имѣетъ здѣсь огромное политическое значеніе.

Но это сплоченіе встрѣчаетъ большія препятствія, какъ принципіальнаго, такъ и практическаго характера.

Принципіальныя препятствія сосредоточены въ *рабочей партіи*. Рабочая партія въ Германіи, какъ и въ большинствѣ другихъ культурныхъ странъ, организована на принципѣ *классовой борьбы*, непримиримаго антагонизма между рабочимъ классомъ и буржуазіей; и германская рабочая партія пользуется славой самой послѣдовательной въ принципіальномъ отношеніи изъ всѣхъ рабочихъ партій міра.

Однакожъ не въ рабочей партіи лежитъ главное препятствіе къ объединенію прогрессивныхъ элементовъ Германіи для общей борьбы съ общими врагами. При всей своей принципіальности, германская рабочая партія всегда

*) Сельскіе избиратели, на которыхъ главнымъ образомъ опираются реакціонныя партіи, составляя только 1/3 всѣхъ избирателей, выбираютъ *почти вдвое больше* депутатовъ, потому что распредѣленіе избирательныхъ округовъ основано на переписи *1866 года*; когда сельское населеніе составляло 2/3 общаго!

отдавала должное практическимъ требованіямъ политической борьбы и признавала практическую необходимость временныхъ соглашеній съ либеральной буржуазіей. Но *послѣдняя* упорно уклонялась отъ такихъ соглашеній и *на ней* лежитъ главная отвѣтственность за успѣхи реакціи и жалкое положеніе либерализма въ Германіи. Часть либеральной буржуазіи предпочла войти въ коалицію съ реакціонными партіями („націоналъ - либералы“); другая часть, ея лѣвое крыло, подъ эгидой Евгенія Рихтера, избрала своимъ девизомъ „борьбу на два фронта“, направо и налѣво, противъ юнкерства и противъ соціалистической рабочей партіи.

Рабочей партіи эта борьба, какъ извѣстно, не причинила никакого вреда, юнкерской —тоже, но партію Рихтера, такъ называемую прогрессивную или свободомыслящую партію, она привела на край гибели...

Генезисъ и мотивы этой странной, но поучительной, тактики мы постараемся прослѣдить въ слѣдующей главѣ.

Сама фраза „борьба на два фронта“ заимствована Рихтеромъ у Бисмарка, который для оправданія безпрестаннаго увеличенія арміи и колоссальнаго возрастанія военныхъ расходовъ, указалъ на необходимость быть готовымъ къ борьбѣ на два фронта: противъ Франціи и противъ Россіи. Но и Бисмаркъ не надѣялся, даже при крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ, самостоятельно справиться съ двумя могучими противниками и вошелъ въ союзъ съ Австро-Венгріей и Италіей; Рихтеръ же хотѣлъ однѣми своими слабыми силами побороть всѣхъ своихъ противниковъ и, конечно, потерпѣлъ полное фіаско.

Фактически борьба на *два* фронта оказалась невозможной для партіи Рихтера уже вслѣдствіе ограниченности ея боевыхъ силъ и съ теченіемъ времени сосредоточилась главнымъ образомъ на борьбѣ съ рабочей партіей, принявъ узко-буржуазный, классовый характеръ, хотя *въ принципѣ* Рихтеръ и его партія всегда были противъ внесенія классоваго антагонизма въ политическую жизнь и считали своей миссіей проведеніе принципа *солидарности* политическихъ интересовъ всѣхъ соціальныхъ классовъ. Это противорѣчіе между теоріей и практикой буржуазной прогрессивной партіи составляетъ любопытный pendant къ выше отмѣченному противорѣчію между теоріей и практикой рабочей партіи.

О Мы еще вернемся къ этому интересному явленію.

2.

Судьбы либерализма въ Германіи вообще сильно отличаются отъ его судебъ въ другихъ конституціонныхъ странахъ. За все время существованія германской имперіи либеральная партія ни разу не была у власти ни въ имперіи, ни въ прусскомъ королевствѣ; въ послѣднемъ за все время существованія конституціоннаго режима, почти шесть десятилѣтій, правительство только одинъ разъ имѣло либеральное направленіе, это было въ 1848 году, непосредственно послѣ революціи, и продолжалось ровно *полгода*. Въ имперіи точно такъ же, какъ и въ большинствѣ союзныхъ государствъ, образующихъ ее, почти безпрерывно господствовали реакціонныя и консервативныя партіи, юнкерство и юнкерская бюрократія. Конфликты между правительствомъ и юнкерствомъ происходили нерѣдко, главнымъ образомъ, изъ-за таможенной политики, въ которой требовательность юнкерства превышаетъ всякую мѣру; при этихъ конфликтахъ правительство волей-неволей принуждено было искать временную поддержку въ другихъ партіяхъ: но и въ этихъ случаяхъ либеральнымъ партіямъ приходилось играть весьма незавидную роль.

Укажемъ, для примѣра, на время канцлерства генерала Каприви, когда юнкера находились въ рѣзкой оппозиціи къ правительству; либеральная партія поспѣшила на выручку Каприви и дѣлала для него все, что могла; тѣмъ не менѣе Каприви заявилъ въ *оффиціальной рѣчи* на публичномъ засѣданіи рейхстага, что ему всегда „*жутко становится*“, когда его поддерживаетъ прогрессивная партія...

Каприви былъ прямодушный солдатъ и не любилъ скрывать своихъ чувствъ, нынѣшній канцлеръ германской имперіи, графъ Бюловъ, многоопытный и весьма тонкій *дипломатъ*: онъ знаетъ, что языкъ данъ намъ для того—чтобы скрывать свои мысли..., онъ никогда не скажетъ ничего подобнаго словамъ Каприви; напротивъ, онъ даже готовъ поддерживать иллюзію, будто онъ симпатизируетъ либеральнымъ идеямъ, будто онъ и самъ не радъ, что ему приходится проводить реакціонныя мѣропріятія, но „что дескать дѣлать, когда большинство парламента требуетъ этого“?

И дѣйствительно направленіе политики опредѣляется, конечно, не личными симпатіями канцлера, а общими политическими, соціальными и культурными условіями страны. Присмотримся къ этимъ условіямъ.

Соціальныя условія Германіи въ общемъ благопріятны

для либерализма: крестьянство, туго поддающееся вліянію новыхъ идей, составляетъ только третью часть всего населенія, тогда какъ 2/3 послѣдняго извлекаетъ средства къ жизни изъ промышленности, торговли и либеральныхъ профессій, для которыхъ свобода и прогрессъ такъ же необходимы, какъ воздухъ и солнце; но эти двѣ трети разъединены глубокимъ соціальнымъ антагонизмомъ, классовой борьбой, на два враждебныхъ лагеря, постоянно воюющихъ другъ съ другомъ.

Культурныя условія очень благопріятны: народное образованіе стоитъ на высокомъ уровнѣ, большинство населенія живетъ въ городахъ, города очень многочисленны и средства сообщенія очень развиты, такъ что и сельское населеніе, которое и само по себѣ живетъ довольно густо, находится въ тѣсномъ общеніи съ городомъ.

Политическія условія неблагопріятны: реакціонные элементы имѣютъ твердую опору во всей государственной организаціи, во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ, во всей бюрократіи: живымъ объединительнымъ центромъ служитъ при этомъ глава германской имперіи и прусскаго королевства. А прогрессивные элементы разъединены, разбиты на нѣсколько осколковъ, разсѣяны и не имѣютъ устойчивой внѣшней организаціи: поэтому они политически почти безсильны, несмотря на благопріятныя соціальныя и культурныя условія.

Если-бы прогрессивные элементы сплотились и,—отсрочивъ разрѣшеніе тѣхъ задачъ, которыя ихъ раздѣляютъ, до того времени, когда эти задачи *фактически смогутъ* быть разрѣшены,—сосредоточили бы свое вниманіе на тѣхъ вопросахъ, которые *теперь стоятъ на очереди*, то нѣтъ сомнѣнія, что они могли бы въ скоромъ времени заставить реакцію уступить, или по меньшей мѣрѣ, *отступить*, отъ нѣкоторыхъ важныхъ для прогресса позицій.

Юнкера это прекрасно знаютъ и всегда знали, лучше всѣхъ—знаменитый юнкеръ *Отто фонъ Бисмаркъ*, и всегда считали одною изъ главнѣйшихъ своихъ политическихъ задачъ—внесеніе раскола въ ряды прогрессивныхъ партій.

Въ комплексѣ прогрессивныхъ партій всѣхъ направленій и оттѣнковъ два пункта особенно чувствительны и податливы къ разлагающимъ операціямъ: одинъ изъ нихъ лежитъ на *правой* сторонѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ крупная буржуазія соприкасается со средней и мелкой,—другой лежитъ на *лѣвой* сторонѣ, тамъ, гдѣ буржуазный классъ соприкасается съ пролетаріатомъ. На эти два пункта юн-

керы и направили свои батареи, и съ одинаковымъ успѣхомъ; они очень скоро пробили бреши въ обоихъ пунктахъ и отрѣзали правое и лѣвое крыло прогрессивной арміи отъ ея центра.

Правое крыло откололось въ 1866 г. и образовало партію „націоналъ-либераловъ", тотчасъ же перешедшую на другую сторону.

Лѣвое крыло держалось сначала очень стойко, и одно время можно было думать, что оно устоитъ и останется на своей позиціи, но затѣмъ *центръ* его поколебался и отодвинулся направо, образовалась брешь, расширявшаяся все болѣе и болѣе. Отмѣтимъ главные эпизоды этого интереснаго историческаго процесса.

Маневры юнкера Отто фонъ-Бисмарка къ отдѣленію рабочаго класса отъ буржуазной демократіи начались тотчасъ послѣ того, какъ онъ сталъ во главѣ прусскаго правительства. 23 сентября 1862 г. Бисмаркъ былъ назначенъ министромъ-президентомъ, а въ октябрѣ того же года его агентъ Эйхлеръ *), предсѣдатель берлинскаго комитета для организаціи рабочаго конгресса, уже ѣдетъ по порученію правительства въ Лейпцигъ для переговоровъ съ представителями лейпцигскихъ рабочихъ.

Во главѣ лейпцигскаго рабочаго движенія находились въ то время Россмейслеръ, Фриче, Вальтейхъ, Даммеръ и Бебель; Эйхлеръ заявилъ имъ что прусское правительство очень-де сочувствуетъ соціальнымъ стремленіямъ рабочихъ и готово поддержать ихъ субсидіями для устройства производительныхъ коопераций.

Конечно, Эйхлеръ не былъ единственнымъ агентомъ Бисмарка въ рабочемъ движеніи, которымъ Бисмаркъ такъ сильно интересовался; извѣстно, что онъ лично пытался привлечь Лассаля на свою сторону, и Лассаль, какъ будто, былъ не прочь поддерживать сношенія съ Бисмаркомъ, надѣясь, что въ концѣ концовъ онъ перехитритъ юнкера. Но рабочіе боялись даровъ данайцевъ и *отвергли* предложеніе Бисмарка; они не хотѣли связываться съ реакціонерами и остались вѣрны своимъ буржуазнымъ союзникамъ, прогрессивной партіи. Лейпцигскіе рабочіе тотчасъ-же послѣ посѣщенія Эйхлера отправили Вальтейха, Фриче и Драге въ Берлинъ предупредить берлинскихъ рабочихъ и вождей прогрессивной партіи о маневрахъ Бисмарка и его агентовъ и условиться относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

*) Что Эйхлеръ былъ агентомъ Бисмарка, признано было послѣднимъ въ 1878 г. на публичномъ засѣданіи рейхстага.

Вожди прогрессивной партіи не поняли всей серьезности этого момента; въ то время партія была очень сильна, а въ будущее они не заглядывали; лейпцигскіе рабочіе были приняты ими очень холодно, всѣ ихъ предложенія были отклонены. Главное предложеніе рабочихъ касалось внесенія въ программу партіи требованія *всеобщаго* избирательнаго права; но вожди прогрессивной партіи опасались, что всеобщее избирательное право послужитъ на пользу только реакціоннымъ партіямъ, обнаруживавшимъ въ то время подозрительныя симпатіи къ этой радикальной реформѣ.

Уже въ мартѣ 1862 года органъ консервативной партіи („Консервативная корреспондеція") рекомендовалъ монарху *октроированіе* всеобщаго голосованія, какъ вѣрнаго средства разгромить либеральную оппозицію; а въ концѣ того же года, скоро послѣ назначенія Бисмарка главой правительства, его ближайшіе сотрудники, Бланкенбургъ и Вагенеръ,- отстаивали на генеральномъ собраніи „прусскаго народнаго союза", основаннаго въ качествѣ реакціоннаго противовѣса либеральному „Національному Союзу", необходимость введенія всеобщаго избирательнаго права. Симпатіи Бисмарка къ всеобщему избирательному праву основывались на опытѣ Франціи при Наполеонѣ III, которую Бисмаркъ прекрасно изучилъ во время своего пребыванія въ Парижѣ въ качествѣ прусскаго посланника; этотъ же опытъ привлекъ къ всеобщему голосованію симпатіи реакціонныхъ партій, тогда какъ прогрессивныя партіи прониклись недовѣріемъ къ нему; не только буржуазныя партіи, но также рабочая интеллигенція и соціалисты.

Такъ *Бебель* былъ въ шестидесятыхъ годахъ противникомъ всеобщаго избирательнаго права и открыто высказалъ это публично въ лейпцигскомъ рабочемъ союзѣ въ февралѣ 1863 г. *). *Либкнехтъ* также съ большимъ недовѣріемъ относился къ всеобщему голосованію и ярко выразилъ это въ извѣстной рѣчи, произнесенной имъ 31-го мая 1869 г. на собраніи демократическаго рабочаго союза въ Берлинѣ; онъ съ ѣдкой ироніей говорилъ о „наивныхъ мечтателяхъ евангелія всеобщаго голосованія", въ сущности предназначеннаго служить „не рычагомъ для демократіи, а орудіемъ, для реакціи", и воскликнулъ: „Прочь съ культомъ всеобщаго и прямого избирательнаго права!" **).

---

*) Бебель самъ напомнилъ объ этомъ въ замѣткѣ „Aus dem Anfang der Arbeiterbewegung" См. „Die Gründung der Deutschen Sozialdemokratie" Leipzig. 1903.

**) W. Liebknecht. Ueber die politische Stellung d. Sozialdemokratie Berlin. 1893, pp. 16, 17, 18.

Вообще въ шестидесятыхъ годахъ нѣмецкіе соціалисты не придавали большого значенія немедленному введенію всеобщаго избирательнаго права, еще менѣе—несоціалистическая часть рабочей интеллигенціи, примыкавшая къ буржуазной прогрессивной партіи. Послѣдней поэтому, можетъ быть, не трудно было бы сойтись съ представителями рабочихъ на компромиссѣ, обезпечивающемъ, при полной свободѣ печати, слова и союзовъ, политическія права сознательной части рабочаго класса, а всѣмъ рабочимъ и всему народу—по мѣрѣ распространенія элементарнаго образованія.

Поэтому отказъ вождей прогрессивной партіи внести тотчасъ же требованіе всеобщаго избирательнаго права въ партійную программу, хотя и послужилъ исходнымъ пунктомъ для агитаціи Лассаля и привелъ къ основанію въ Лейпцигѣ 23 мая 1863 г. всеобщаго германскаго рабочаго союза, колыбели нѣмецкой соціалдемократіи, но рѣшительнаго раскола между рабочимъ классомъ и буржуазіей не вызвалъ. Вальтейхъ, ведшій переговоры отъ имени лейпцигскихъ рабочихъ и чувствовавшій живѣе, чѣмъ кто либо, всю горечь отказа, несмотря на это, заявилъ тотчасъ же на большомъ народномъ собраніи въ Берлинѣ (2-го ноября 1862 г.): „мы пойдемъ вмѣстѣ съ прогрессивной партіей, даже если она этого не хочетъ!" и послѣ порицалъ Лассаля за его рѣзкую агитацію противъ прогрессивной партіи, считая ее „излишней и неумной" *).

Бебель вовсе не присоединился къ походу Лассаля и остался въ рядахъ прогрессивной партіи, изъ которой онъ вышелъ только позднѣе, подъ вліяніемъ Либкнехта.

И самому Лассалю, несмотря на его совершенно исключительные агитаторскіе и организаторскіе таланты, не удалось отвлечь отъ буржуазныхъ партій сколько-нибудь значительное число рабочихъ. Къ концу его похода, который, впрочемъ, продолжался лишь $1^{1/2}$ года, прерванный трагической смертью великаго трибуна, его организація, „Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ", имѣлъ всего 4,610 членовъ, изъ которыхъ больше половины приходилось на Рейнскую провинцію; въ Саксоніи, *родинѣ всего движенія*, собралось всего 700 членовъ **).

Рабочіе не хотѣли отдѣляться отъ буржуазной демократіи, сознавая, что это означало бы играть на руку реакціи.

---

*) Die Gründung der Deutschen Sozialdemokratie. Замѣтка самого Вальтейха, p. 20—21.

**) Franz Mehring. Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie, Bd II, p. 103—105.

3.

Въ 1867 году Бисмаркъ провелъ всеобщее избирательное право для выборовъ въ Сѣверо-Германскій Союзъ, а въ 1871 г.—для выборовъ въ парламентъ Германской имперіи,—рейхстагъ. Благодаря этому, вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ перестал служить источникомъ раздоровъ въ прогрессивномъ лагерѣ. Но съ развитіемъ промышленности и ростомъ сознанія у рабочаго класса на передовой планъ политической жизни выступили *соціальные вопросы*, и отношенія между буржуазіей и рабочимъ классомъ все болѣе и болѣе усложнялись. Рабочіе стали устраивать стачки, организовываться въ профессіональные союзы, домогаться законодательной защиты отъ несчастій и эксплоатаціи и интересоваться соціалистическими идеями. Буржуазія затрепетала отъ ужаса, — по ея увѣреніямъ; ей представлялось, что если рабочее движеніе не будетъ немедленно остановлено, то скоро не останется камня на камнѣ во всемъ буржуазномъ строѣ, во всей Германской имперіи. Юнкера были съ этимъ вполнѣ согласны и охотно соединились съ буржуазіей для борьбы съ рабочимъ движеніемъ.

Лѣвое крыло буржуазнаго класса, „прогрессистская партія“, была противъ репрессивныхъ мѣръ, но столь же мало понимала характеръ рабочаго движенія и его мотивы, какъ національ-либералы и юнкера. Для послѣднихъ рабочее движеніе было „государственнымъ преступленіемъ“, а для прогрессистовъ оно было чудовищнымъ заблужденіемъ необразованной, наивной слѣпой массы; для нихъ *истина* была совсѣмъ въ другомъ, для нихъ истинное средство борьбы съ соціальнымъ зломъ, съ пороками капиталистическаго строя состояло въ томъ, чтобы совсѣмъ съ ними не бороться... „Laissez faire, laissez passer!“—„Не трогайте, не мѣшайте, не задерживайте, дайте дорогу капитализму и капиталистамъ!“

Эта политика черствости, можетъ быть, и лучше политики жестокости желѣзнаго канцлера, но на рабочихъ она производила такое же отталкивающее впечатлѣніе, какъ послѣдняя. Рабочее движеніе быстро развивалось; въ 1871 году соціалистическая рабочая партія получила на выборахъ въ рейхстахъ 123.975 избирательныхъ голосовъ, въ 1874 г.—351.952 голоса, въ 1877 г.—493.288 голосовъ *).

*) Allgemeine Statistik der Reichstagswahlen von 1903, II Theil, Zusammenstellung.

Эти результаты, которые должны были бы открыть глаза буржуазіи на всю ложность ея тактики, напротивъ, побуждали ее къ усиленію репрессіи. Въ 1878 году рейхстагъ вотировалъ исключительный законъ „противъ соціалистовъ" (въ дѣйствительности это былъ законъ противъ всякаго рабочаго движенія), господствовавшій въ теченіе 13-ти лѣтъ и приведшій къ тому, что къ соціалъ-демократической партіи перешли не только большинство рабочаго класса, но также значительная часть *буржуазной демократіи*. Прогрессистская партія вообще вотировала противъ исключительнаго закона, но держалась при этомъ весьма двусмысленно; при возобновленіи закона въ 1884 году часть партіи, перешедшая изъ націоналъ-либеральнаго лагеря, вотировала *за него*.

Къ концу дѣйствія исключительнаго закона, когда нѣмецкій народъ, на выборахъ 20 февраля 1890 года, подвелъ итоги всей политикѣ ограниченія, притѣсненія и подавленія рабочаго движенія, къ рабочей партіи присоединилось 664170 новыхъ приверженцевъ; общее число избирательныхъ голосовъ рабочей партіи достигло на этихъ выборахъ внушительной цифры 1.427.298, что составляетъ *тройное число* избирательныхъ голосовъ партіи непосредственно *передъ* введеніемъ исключительнаго закона. Политика Бисмарка потерпѣла полное крушеніе; не многимъ лучше было положеніе—Пилата..., прогрессистской партіи, переимоновавшейся послѣ соединенія съ лѣвымъ крыломъ націоналъ-либеральной партіи въ „свободомыслящую партію".

Поэтому въ ней сейчасъ послѣ выборовъ 1890-го года началось движеніе въ пользу сближенія съ рабочей партіей; первые голоса этого рода раздались въ тѣхъ сферахъ свободомыслящей партіи, которыхъ совѣсть была особенно отягощена,—на правомъ крылѣ партіи, поддерживавшемъ исключительный законъ. Но волненіе, поднятое поразительными успѣхами соціалистической партіи на упомянутыхъ выборахъ, со временемъ улеглось; громъ грянулъ и—затихъ..., кое кто остановился въ испугѣ, оглянулся, перекрестился, но большинство тупо продолжало свой прежній путь. Когда при слѣдующихъ выборахъ, въ 1893 г., число соціалъ-демократическихъ голосовъ увеличилось „только" на 350.000, нѣкоторые безпечные филистеры либерализма даже.. торжествовали, видя въ этомъ указаніе на то, что соціалъ-демократическое движеніе... „ослабѣваетъ"! Логика этого разсужденія довольно странная, но она тѣмъ не менѣе многихъ успокоила; либераламъ такъ хотѣлось вѣрить, что соціалъ-демократическое движеніе представ-

ляетъ собою только временное увлеченіе впечатлительной толпы, близкое къ своему кульминаціонному пункту!

Прошло еще пять лѣтъ, наступили выборы 1898 г., и число соціалдемократическихъ избирателей вновь увеличилось на *325.000*. „Увлеченіе" продолжалось, „увлекшіеся" граждане не обнаруживали никакихъ признаковъ раскаянія и оставались въ рядахъ соціалъ-демократической партіи, насчитывавшей уже *2.107.076* избирательныхъ голосовъ *больше четверти* (*27,18%*) *всѣхъ голосовъ*, поданныхъ въ имперіи на выборахъ 1898 года. Несмотря на это, разсужденія филистеровъ о „легкомысленномъ" увлеченіи избирателей „соціалистическими фантазіями" продолжали пользоваться кредитомъ въ либеральной партіи; понятно, почему: перестать говорить о легкомысліи избирателей, значило начать говорить о легкомысліи либеральныхъ вождей... Однакожъ о послѣднемъ тоже, наконецъ, заговорили и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе оживленно.

Внутренняя политика имперскаго правительства принимала все болѣе и болѣе реакціонный характеръ, партія юнкеровъ вошла въ коалицію съ партіей каплановъ, т. наз. „центромъ", наступила эра протекціонизма и клерикализма, одинаково опасная для экономическихъ и для культурныхъ интересовъ нѣмецкаго народа; вся администрація, всѣ вѣдомства, не только исполнительные органы, но также и судъ, насквозь прониклись духомъ реакціи, дающимъ себя чувствовать во всей общественной и даже частной жизни; общественное самоуправленіе находится подъ строгой опекой полицей-министра, полицей-президентовъ и полицей-директоровъ;—народное просвѣщеніе, университеты, наука, искусство и литература—подъ строгимъ контролемъ бюрократіи, все и вся—подъ желѣзнымъ гнетомъ милитаризма. А оппозиція, либеральная, прогрессистская и соціалистическая, должна ограничиваться безплодными протестами и неспособна къ энергичному противодѣйствію, вслѣдствіе отсутствія единства въ ея рядахъ, ея планахъ и ея дѣйствіяхъ. Какъ выйдетъ Германія изъ этого положенія?

„До тѣхъ поръ пока эти два противника реакціи—свободомыслящая буржуазія и соціалъ-демократическіе рабочіе—враждуютъ другъ съ другомъ",—говоритъ Теодоръ Баргъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся членовъ свободомыслящей партіи,—„до тѣхъ поръ консерваторы и клерикалы будутъ имѣть красные дни!".

Потому Бартъ поставилъ себѣ задачей: „объединить всѣ истинно-либеральные элементы для того, чтобы они совмѣстно съ рабочими, организованными политически въ

соціалъ-демократической партіи, пріобрѣли возможность *сломить* господство реакціи и сдѣлать Германію передовымъ государствомъ также въ политическомъ отношеніи... „Борьба между свободомыслящей партіей и соціалдемократіей есть безцѣльная трата силъ, полезная только *для реакціи*... Въ политической борьбѣ настоящаго времени наши *враги* практически находятся *справа*, а *слѣва* стоятъ только *конкурренты*".

И, какъ Бартъ, разсуждаютъ многіе другіе выдающіеся либеральные дѣятели, въ другихъ отношеніяхъ весьма умѣренные. Къ нимъ принадлежитъ также извѣстный экономистъ Л. Брентано: „совмѣстныя дѣйствія либерализма и соціалъ-демократіи не только возможны, они *необходимы*", писалъ онъ въ журналѣ „Nation".

Но особенно горячо поддерживалъ идеи Барта великій историкъ Теодоръ Моммзенъ вплоть до своей смерти. Въ ноябрѣ 1902 года онъ обратился къ обществу съ горячимъ воззваніемъ, полнымъ чувства и мысли, пойти по этому пути, который онъ считалъ единственнымъ выходомъ изъ настоящаго положенія, единственнымъ спасеніемъ отъ ужасной реакціи. Воззваніе опубликовано было первоначально въ органѣ Барта „Die Nation" и озаглавлено: „Was uns noch retten kann!"—„*Что могло бы насъ еще спасти!*" Это высокоинтересный историческій документъ, и мы очень жалѣемъ, что не можемъ помѣстить его здѣсь цѣликомъ.

„Мы стоимъ,—писалъ Моммзенъ,—въ началѣ государственнаго переворота, имѣющаго цѣлью подчиненіе императора и народнаго представительства интересамъ *юнкерства* и *капланократіи*: старый абсолютный режимъ былъ мягкой, гуманной формой правленія въ сравненіи съ тѣмъ, что намъ угрожаетъ... Если есть еще спасеніе отъ этого начинающагося переворота, то это можетъ быть только лишь объединеніе всѣхъ партій, не замѣшанныхъ въ этотъ заговоръ, разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ, которые позорили одновременно либерализмъ и націонализмъ (намекъ на націоналъ-либераловъ) и, разумѣется, *со включеніемъ* соціалъ-демократической партіи. Необходимо положить конецъ слѣпой вѣрѣ, лживой и коварной, будто нація раздѣляется на партію порядка и партію революціи, и будто граждане, причисляющіе себя къ первымъ партіямъ, должны избѣгать милліоновъ рабочей партіи, какъ очумѣлыхъ, и бороться противъ нихъ, какъ опасныхъ для государства. Въ дѣйствительности въ политической жизни нѣтъ ни партіи порядка, ни партіи революціи, или, можно также сказать, что всѣ партіи революціонны". Конечно, съ послѣдними цѣлями

соціалистовъ свободомыслящіе не могутъ сродниться, *но всякая политическая коалиція относится не къ послѣднимъ цѣлямъ, а къ ближайшимъ*".

Воззваніе Моммзена произвело глубокое впечатлѣніе на общество, но вождь свободомыслящей партіи, старый, самовластный и непреклонный Евгеній Рихтеръ, ожесточившійся въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей, продолжающейся уже четыре десятилѣтія и такъ дорого обошедшейся ему и его партіи, прямо *не можетъ* уже измѣнять своей тактики, т. е. признать, что вся его политическая дѣятельность была сплошной ошибкой. Моммзену онъ отвѣтилъ, что онъ непрактичный, кабинетный ученый, не понимающій требованій политической жизни. Другіе вожди свободомыслящей партіи, minoris generis, не задумывались долго и пошли за своимъ шефомъ, воспитавшимъ ихъ въ строгой дисциплинѣ, и все осталось по прежнему; при выборахъ 1903 года свободомыслящая партія по прежнему *воевала* съ соціалъ-демократіей.

Но это столь же мало повредило послѣдней, какъ и прежде; число соціалдемократическихъ избирателей увеличилось почти на *цѣлый милліонъ*, поднявшись до колоссальной цифры:—*3.010.771*. Снова сотни тысячъ буржуазныхъ избирателей, потерявшихъ всякое довѣріе къ либеральнымъ вождямъ, присоединились къ соціалъ-демократической партіи, которая теперь имѣетъ почти столько же *буржуазныхъ избирателей*, сколько свободомыслящія партіи. Всѣ прогрессивные и демократическіе элементы всѣхъ соціальныхъ классовъ нѣмецкаго народа возлагаютъ теперь всѣ свои надежды только на соціалъ-демократическую партію и мало по малу всѣ примыкаютъ къ ней; не только демократическая буржуазія, не только разночинная интеллигенція, либеральныя профессіи, ученые, литераторы, артисты, техники, врачи и т. под., но подчасъ также фабриканты, коммерсанты, банкиры и даже высокопоставленные бюрократы.

Теодоръ Бартъ, хорошо знакомый съ настроеніемъ высшихъ слоевъ буржуазіи, къ которымъ онъ самъ принадлежитъ, говоритъ: „это открытая тайна, что при выборахъ въ рейхстагъ тысячи высшихъ и низшихъ сановниковъ подаютъ соціалъ-демократическіе бюллетени" *). Другіе компетентные наблюдатели подтверждаютъ это; между прочимъ, также самъ Евгеній Рихтеръ въ своемъ „Politisches A-B-C-Buch". Это видно также по цифрамъ избирательной статистики; особенно поучительна въ этомъ отношеніи из-

*) „Die Nation", 5-го сентября 1903 г.

бирательная статистика перваго избирательнаго округа Берлина, самаго аристократическаго округа Имперіи, населеннаго высшей знатью и высшей буржуазіей: въ этомъ округѣ свободомыслящая партія получила на послѣднихъ выборахъ только 33,2% всѣхъ избирательныхъ голосовъ, а соціалъ-демократическая партія 41,4% *).

Либеральная *партія* отказывается отъ коалиціи съ соціалъ-демократіей, а либеральные *граждане* самостоятельно, безъ партіи, переходятъ въ соціалъ-демократическій лагерь; ихъ побужденія ясно формулированы въ слѣдующихъ словахъ Барта: „одни разговоры о томъ, что *хотятъ* бороться противъ реакціи, не могутъ удовлетворить: нужно еще доказать готовность пользоваться для этой борьбы подходящими средствами, а такое средство, *единственное дѣйствительное въ настоящій моментъ*, представляетъ рѣшительный союзъ съ соціалъ-демократіей“.

4.

Въ послѣдней главѣ находится замѣчаніе, что нѣмецкая соціалъ-демократическая партія имѣетъ въ настоящее время въ своихъ рядахъ почти столько же буржуазныхъ элементовъ, сколько свободомыслящія (или прогрессистскія) партіи. Это замѣчаніе сильно противорѣчитъ обычному представленію о нѣмецкой соціалъ-демократіи, какъ строго классовой партіи, и поэтому нуждается въ основательномъ подтвержденіи.

Нѣкоторая примѣсь буржуазнаго элемента въ соціалъ-демократіи признавалась всѣми съ самаго основанія партіи; но общее мнѣніе было такое, что эта примѣсь количественно слишкомъ незначительна, для того, чтобы противорѣчить классовому характеру партіи. Однакоже, внимательные наблюдатели не могли не задуматься надъ *неестественно быстрымъ* ростомъ соціалъ-демократической партіи въ Германіи, безпримѣрнымъ въ политической исторіи; какъ снѣжная лавина по горнымъ склонамъ, мчалась она впередъ съ возрастающей быстротой, увлекая за собою все новые и новые слои народа, При выборахъ 1890 г. она сразу пріобрѣла *почти 700.000* новыхъ приверженцевъ, сразу *почти удвоилась*; при выборахъ 1903 г. она пріобрѣла *почти цѣлый милліонъ* новыхъ приверженцевъ, разросшись до колос-

---

*) Allgemeine Statistik der Reichstagswahlen von 1903, I Theil, p. 12. Консервативная партія получила 22,8% изб. голосовъ.

сальныхъ размѣровъ: больше трехъ милліоновъ избирательныхъ голосовъ, почти цѣлая треть всѣхъ избирателей на послѣднихъ выборахъ. Классовая партія такихъ размѣровъ едва ли вообще возможна при данныхъ соціально-политическихъ условіяхъ Германіи.

Эти сомнѣнія вполнѣ подтверждаются моимъ изслѣдованіемъ о соціальномъ составѣ избирателей германской соціалъ-демократической партіи, помѣщенномъ въ журналѣ Archiv für Sozialwissenschaft und Soziapolitik *).

Оказалось, что во многихъ округахъ число избирательныхъ голосовъ соціалъ-демократической партіи уже превышаетъ число рабочихъ, участвующихъ въ выборахъ, такъ что тутъ участіе буржуазныхъ элементовъ несомнѣнно, даже при предположеніи, что всѣ рабочіе этихъ округовъ, безъ исключенія, уже принадлежатъ къ соціалъ-демократической партіи. Въ особенности интересны въ этомъ отношеніи данныя, касающіяся крупныхъ городовъ. Такъ, напр., въ Кенигсбергѣ рабочіе всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ составляютъ по профессіональной статистикѣ 1895 г. только *36*%о всего активнаго населенія, а избирательные голоса соціалъ-демократической партіи при выборахъ 1898 г.—*52*%о всѣхъ избирательныхъ голосовъ; такъ, въ Альтонѣ первая квота составляетъ *46*%о, а вторая *73*%о!

Для вычисленія процентнаго отношенія буржуазнаго и рабочаго элемента въ соціалъ-демократической партіи, я отдѣлилъ отъ общей массы рабочихъ всѣхъ женщинъ и тѣхъ мужскихъ рабочихъ, которые еще не достигли избирательнаго возраста (25 лѣтъ), затѣмъ вычислилъ на основаніи данныхъ объ участіи избирателей въ выборахъ число рабочихъ голосовъ и сопоставилъ его съ числомъ избирательныхъ голосовъ соціалъ-демократической партіи; перевѣсъ послѣдняго числа надъ первымъ выражаетъ *минимумъ* доли буржуазнаго элемента въ соціалъ-демократической партіи: *минимумъ*, потому что и понынѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ рабочіе всѣхъ профессій: фабричные, ремесленные, коммерческіе и проч. единодушно голосуютъ за соціалъ-демократическую партію. Но и минимумъ оказывается очень высокимъ.

При выборахъ въ рейхстагъ 1898 г. вычисленная такимъ образомъ минимальная доля буржуазныхъ избирателей въ общей суммѣ избирательныхъ голосовъ соціалъ-демократической партіи составляла, напр., въ Мюнхенѣ *21*%о, въ Берлинѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ *24*%о, въ Кенигсбергѣ *31*%о,

*) Bd. XX, Heft 3 (März 1905).

*

въ Гамбургѣ *37%*, въ Альтонѣ *43%*. При выборахъ 1903 г. эти доли еще значительно увеличились; но цифры этого года нуждаются въ корректурѣ вслѣдствіе измѣненій въ составѣ населенія со времени послѣдней профессіональной переписи (1895 г.). Безъ корректуры упомянутая доля составляетъ: въ Мюнхенѣ *39%*, въ Берлинѣ *40%*, въ Франкфуртѣ на М. и въ Гамбургѣ *41%*, въ Кенигсбергѣ 32%, въ Альтонѣ *45%*, въ Нюренбергѣ *47%*, въ Штетинѣ *48%*, въ Шарлоттенбургѣ *56%*!

Эти цифры относятся къ центрамъ соціалъ-демократическаго движенія, къ самымъ крупнымъ городамъ германской имперіи; въ менѣе крупныхъ городахъ доля буржуазнаго элемента, можетъ быть, не такъ высока, а въ деревняхъ и рабочіе только въ незначительной долѣ присоединились къ соціалъ-демократіи; но и тутъ, по всей вѣроятности, не мало буржуазныхъ элементовъ среди соціалъ-демократическихъ избирателей.

Во всей Имперіи доля буржуазныхъ элементовъ среди соціалъ-демократическихъ избирателей составляетъ въ общей суммѣ, по моимъ вычисленіямъ, *около* *25%*, въ абсолютной цифрѣ при выборахъ 1903 г.,—700—800.000. Буржуазныя прогрессистскія партіи всѣхъ оттѣнковъ: свободомыслящій союзъ, свободомыслящая народная партія и нѣмецкая народная партія, получили всѣ вмѣстѣ при тѣхъ же выборахъ, 872.653 избирательныхъ голосовъ, въ томъ числѣ извѣстную долю рабочихъ голосовъ. Такимъ образомъ число буржуазныхъ приверженцевъ соціалъ-демократической партіи дѣйствительно теперь почти совпадаетъ съ числомъ тѣхъ же приверженцевъ буржуазныхъ прогрессистскихъ партій *).

---

*) Въ статьѣ, посвященной моему изслѣдованію, въ «Neue Zeit“ тек. г. № 37, славный вождь нѣмецкой соціалдемократіи Августъ Бебель, подвергаетъ критикѣ мои результаты и приходитъ къ заключенію, что я преувеличилъ долю буржуазныхъ элементовъ среди соціалдемократическихъ избирателей. Бебелю возразилъ Эдуардъ Бернштейнъ въ «Sozialistische Monatsheftc» № 8 и показалъ, что вся критика Бебеля и его контрольныя вычисленія основаны на недоразумѣніяхъ и ошибкахъ. Ошибки Бебеля очень крупныя; такъ онъ въ одномъ мѣстѣ прибавляетъ къ счету нѣсколько сотъ тысячъ рабочихъ въ вѣдомствахъ почты, телеграфа и желѣзныхъ дорогъ, уже внесенныхъ мною въ счетъ,—въ другомъ мѣстѣ забываетъ о сотняхъ тысячъ промышленныхъ рабочихъ среди сельскаго населенія и т. под. Эти ошибки вызваны крайней торопливостью, съ которой приходится работать Бебелю, постоянно отягощенному неисчерпаемой массой неотложныхъ дѣлъ. Такъ самъ Бебель объясняетъ эти досадныя ошибки въ своемъ частномъ письмѣ ко

Этотъ результатъ въ высшей степени поучителенъ; онъ показываетъ, къ чему ведетъ узко-буржуазная, узко-классовая политика: она дѣйствуетъ *отталкивающе* на всѣ демократическіе элементы всѣхъ классовъ, всѣ истинно-прогрессивные, живые элементы народа, чувствующіе вѣрнымъ народнымъ инстинктомъ, что въ *политическомъ* отношеніи интересы всѣхъ демократическихъ элементовъ всѣхъ соціальныхъ классовъ въ настоящее время *одинаковые*, что они солидарны и *должны* сплотиться и сообща работать, такъ какъ безъ этого успѣшная борьба съ реакціей *невозможна*; что поэтому кто мѣшаетъ *объединенію* демократіи,—мѣшаетъ *дѣлу* демократіи, мѣшаетъ ея борьбѣ и ея успѣху, т. е. *противникъ демократіи*. Вожди нѣмецкой прогрессистской партіи не поняли этого, и народъ отвернулся отъ нихъ, рабочая партія поняла это и привлекла къ себѣ всѣ демократическіе элементы;—„*соціальная* и *демократическая*, партія рабочихъ и партія мелкой буржуазіи, соединились въ *соціалъ-демократическую* партію“ *).

5.

На какихъ условіяхъ произошла эта коалиція? Отреклась ли демократическая часть буржуазіи отъ своего класса, измѣнивъ своимъ буржуазнымъ соціальнымъ интересамъ? сдѣлались ли эти сотни тысячъ мелкихъ буржуа *соціалистами?*

Ничего подобнаго не случилось, конечно; единичныя

мнѣ, въ которомъ онъ съ своей обычной прямотой признаетъ свои ошибки.

Но ошибочная критика Бебеля принята многими—безъ критики... Такъ, напримѣръ, г. Реусъ въ статьѣ „Выцвѣтаніе рабочей партіи“ („Русское Богатство“ № 6, т. г.) излагаетъ статью Бебеля и съ своей стороны подвергаетъ критикѣ мое изслѣдованіе, хотя онъ его, очевидно, не читалъ и знаетъ о немъ только то, что изложено въ статьѣ Бебеля...

Въ дѣйствительности я не только не преувеличилъ доли буржуазныхъ (или «не пролетарскихъ» элементовъ) въ нѣмецкой соціалдемократіи, но еще значительно уменьшилъ ее, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ систематически вычислялъ *минимумъ* этихъ элементовъ. Бернштейнъ вполнѣ подтверждаетъ это въ упомянутой статьѣ. «Въ дѣйствительности,—говоритъ онъ,— д-ръ Бланкъ былъ такъ остороженъ въ своихъ вычисленіяхъ, какъ только можно этого требовать... можетъ быть, его можно бы упрекнуть въ томъ, что онъ преувеличилъ число промышленныхъ *рабочихъ*, подавшихъ свои голоса за соціалдемократію; но онъ навѣрное не уменьшилъ этого числа“.

*) Karl Marx. Die Klassennkämpfe in Frankreich, 1848—50.

личности могутъ увлечься „идеологическими“ побужденіями; но *массы* не могутъ этого, не могутъ эмансипироваться отъ своихъ матеріальныхъ, соціальныхъ, классовыхъ интересовъ,—буржуазный классъ столь же мало, какъ—рабочій классъ,—демократическая буржуазія столь же мало, какъ либеральная. Это вообще. Въ частности, въ Германіи приверженность всѣхъ слоевъ буржуазнаго класса къ капиталистическому строю не только не уменьшилась въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, но, подъ вліяніемъ блестящихъ успѣховъ нѣмецкой промышленности, какъ будто еще усилилась; капиталистическій девизъ: „enrichissez-vous!“, „обогощайтесь!“ фасцинируетъ всю современную Германію, отъ мала до велика; въ такой моментъ соціалистическія и коммунистическіе идеи не могутъ имѣть успѣха внѣ рабочаго класса, не *эти* идеи привлекли къ соціалъ-демократіи буржуазную демократію.

Но, конечно, рабочій классъ также не измѣнилъ своимъ классовымъ интересамъ и не отказался отъ своихъ соціальныхъ стремленій и идеаловъ. Сознаніе соціальнаго антагонизма между буржуазіей и рабочимъ классомъ нисколько не ослабѣло, дѣйствительность внушительно напоминаетъ объ этомъ каждому рабочему, каждый день, при каждомъ столкновеніи съ его „работодателемъ“; и, конечно, рабочіе также не забываютъ, что только въ *борьбѣ* они могутъ защитить свои интересы отъ посягательствъ противоположныхъ интересовъ и обрѣсти свое право на лучшее существованіе; какъ могутъ они это забыть, когда *вся* ихъ жизнь наполнена безустанной *борьбой* за существованіе? Классовая борьба имѣетъ слишкомъ глубокіе корни въ дѣйствительной жизни.

Коалиція между рабочей партіей и буржуазной демократіей можетъ поэтому опираться только на тѣ интересы обѣихъ сторонъ, которые лежатъ *внѣ* области классовой борьбы. Существуютъ ли такіе интересы? Нѣмецкая соціалъ-демократическая партія убѣждена, что *существуютъ*, и организовала всю свою практическую работу на этомъ убѣжденіи. Это удостовѣряетъ никто иной, какъ самъ *Карлъ Каутскій*, въ своемъ извѣстномъ комментаріи къ программѣ соціалъ-демократической партіи (имъ самимъ выработанной):

„Наибольшая часть ея требованій (*практическихъ*) *относится къ области интересовъ, общихъ пролетаріату и другимъ слоямъ дѣятельнаго населенія“* *).

*) Karl Kautsky. Das Erfurter Programm. 3-te Auflage (1899) p. 258.

Дѣйствительно, *классовой* характеръ имѣетъ только *теоретическая* часть программы нѣмецкой соціалъ-демократической партіи, практическая же ея часть, за исключеніемъ развѣ пункта о фабричномъ законодательствѣ, совершенно свободна отъ такого характера, касаясь только общихъ политическихъ, финансовыхъ и культурныхъ интересовъ, какъ-то:

Демократизація политическаго, административнаго и судебнаго строя,

свобода слова, собраній, печати и союзовъ, развитіе народнаго образованія;

отдѣленіе церкви отъ государства, упраздненіе милитаризма и воинственной политики,

замѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ подоходнымъ, имущественнымъ и наслѣдственнымъ.

Въ сравненіи съ соціалистическими идеалами, эти требованія могутъ показаться слишкомъ незначительными, но, въ сравненіи съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, ихъ осуществленіе означало бы крупный шагъ впередъ, а бо́льшаго демократія пока не требуетъ,—рабочая демократія точно такъ же, какъ и буржуазная,—не требуетъ, потому что знаетъ,—что большаго пока нельзя добиться. Это просто и ясно, это — демократично. Столь же просто и ясно, столь же демократично, другое соображеніе: осуществленіе и этихъ требованій *невозможно* помимо коалиціи всѣхъ демократическихъ элементовъ всѣхъ соціальныхъ классовъ; поэтому обѣ стороны сами пошли на встрѣчу другъ другу, просто, безъ торжественныхъ приглашеній, безъ дипломатическихъ переговоровъ, больше подъ вліяніемъ инстинкта, чѣмъ сознанія, почти стихійно.

Такъ поступаетъ *народъ*; другое дѣло *теоретики*. Теоретики легко впадаютъ въ *рабство* къ теоріи, хотя бы это была теорія *освободительная*...: поэтому освободительныя *идеи* становятся иногда поперекъ дороги освободительному *движенію*... Такъ, идея освобожденія рабочаго класса отъ экономической зависимости часто впадаетъ въ конфликты съ идеями освобожденія рабочаго класса и всего народа отъ политическаго и культурнаго рабства, хотя до побѣды послѣднихъ идей осуществленіе первой идеи, идеи соціальнаго равенства, очевидно, невозможно. Такъ нѣкоторые теоретики нѣмецкаго соціализма считали прежде необходимымъ распространить положеніе о „*единой буржуазной реакціонной массѣ*“, относившееся первоначально только къ соціалистическимъ идеаламъ рабочаго класса, также и на его политическіе и культурные идеалы; отъ коалиціи съ бур-

жуазіей они ожидали только вредныхъ послѣдствій для рабочаго класса и всѣхъ его идеаловъ, такая коалиція была бы поэтому въ ихъ глазахъ чуть ли не измѣной, предательствомъ.

Но они должны были покинуть эту точку зрѣнія. Въ 1891 г. положеніе, что по отношенію къ рабочему классу всѣ другіе классы составляютъ единую реакціонную массу, было *исключено* изъ партійной программы, причемъ докладчикъ, Вильгельмъ Либкнехтъ, прямо заявилъ, что „не правда, будто всѣ прочія партіи составляютъ единую реакціонную массу“ *).

Лично Либкнехтъ, впрочемъ, уже въ 69-омъ году высказался за коалицію рабочаго класса съ буржуазной демократіей, въ уже цитированной разъ рѣчи. Эта рѣчь въ высшей степени интересна, и мы позволимъ себѣ привести еще нѣсколько цитатъ изъ нея.

Указывая на то, какъ Бисмаркъ стремится разъединить демократическую оппозицію, Либкнехтъ прибавляетъ: „мы не можемъ помѣшать правительству эксплоатировать рабочій вопросъ, но мы можемъ помѣшать, и помѣшаемъ, *успѣху* этой тактики; мы можемъ помѣшать, и помѣшаемъ, чтобы классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей послужила на пользу реакціи, юнкерству... Прежде всего необходимо стряхнуть съ себя искусственно вызванное и поддерживаемое недовѣріе къ такъ называемой „буржуазной демократіи“... Крикуны противъ „буржуазной демократіи“ либо очень близоруки, либо очень безчестны... Почему соціалъ-демократія еще такъ слаба въ настоящее время? Я хорошо знаю, что о ней много *шумятъ*, но *толку мало*! Я стою за кулисами и считаю очень глупымъ,—не говоря уже о морали, *лгать* передъ публикой и собственной партіей относительно нашей силы. Итакъ, почему наша партія такъ *слаба* теперь? Почему громадное большинство *рабочихъ* остается въ сторонѣ?—Почему? *Убѣжденіе, что соціальное движеніе эксплоатируется реакціей, которой оно теперь полезно, это вполнѣ основательное убѣжденіе удерживаетъ массы, имѣющія демократическій инстинктъ!*“

Такъ говорилъ Вильгельмъ Либкнехтъ, ученикъ и другъ Карла Маркса, въ 1869 г., т. е. скоро послѣ своего возвращенія изъ Лондона на родину, можно сказать, въ качествѣ представителя Маркса въ Германіи.

---

*) Protokoll über die Verhandlungen der Parteitages der Socialdemokratischen Partei Deutschlands, abgehalten zu Erfurt vom 14 bis 20 oktober, 1891, p. 333.

Марксъ всегда признавалъ необходимость временныхъ коалицій между рабочимъ классомъ и буржуазной демократіей *), не видя въ этомъ никакого противорѣчія съ принципомъ борьбы классовъ, научнаго соціализма и вообще „марксизма".

Не то нѣкоторые марксисты... *Классовая борьба* всюду и вездѣ, во всякое время, въ каждый данный моментъ, со всѣми—во всѣхъ областяхъ, въ экономической, политической и культурной, въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ, со всѣми классами, всѣми партіями, всѣми общественными слоями, со всякимъ, кто не вѣруетъ въ Аллаха и его Пророка,—таково „ученіе" этихъ „марксистовъ", до такой степени „развившихъ" идею классовой борьбы, что она, какъ перетянутая струна, лопается въ самый критическій моментъ, или, какъ слишкомъ туго натянутая тетива, болѣе опасна для стрѣлка, чѣмъ для его противника...

Въ Германіи этотъ „сверхмаксизмъ" мало вредилъ рабочему движенію, потому что оно мало съ нимъ считалось... Въ *книгахъ* и *журналахъ* онъ играетъ большую роль, поэтому люди, знакомые съ нѣмецкой соціалъ-демократіей только по литературѣ, часто отождествляютъ ее съ этимъ „марксизмомъ"; но это глубокая ошибка, партійная практика нѣмецкой соціалъ-демократіи очень далека отъ такого марксизма.

На принципахъ этого марксизма врядъ ли вообще можно было бы создать, при настоящихъ соціально-политическихъ условіяхъ Германіи, значительную рабочую партію. По послѣдней профессіональной переписи рабочій классъ обнимаетъ въ Германіи около $^{2}/_{3}$ всего активнаго населенія (69,46%, считая мужчинъ и женщинъ, 64,42%, считая однихъ мужчинъ). Женщины, какъ извѣстно, не имѣютъ въ Германіи политическихъ правъ, а мужчины только съ 25-лѣтняго возраста. Но тогда какъ въ буржуазномъ активномъ населеніи („самостоятельные") процентъ не достигшихъ избирательнаго возраста незначителенъ, онъ составляетъ среди активнаго рабочаго населенія 48—49%; такъ что въ общемъ числѣ политическихъ избирателей германской имперіи, рабочіе, можетъ быть, составляютъ меньше половины всего числа, т. е. *меньшинство*.

При томъ эти рабочіе, объединенные общимъ статистистическимъ терминомъ, представляютъ смѣсь крайне раз-

---

*) «Коммунисты поддерживаютъ повсюду всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній» (Коммунистическій Манифестъ).

народныхъ элементовъ: фабричные рабочіе крупной и мелкой промышленности, ремесленные рабочіе, домашняя прислуга, низшіе служащіе всякаго рода и проч. и проч. У столь разнородныхъ элементовъ нельзя ожидать общаго классоваго сознанія, поэтому только въ немногихъ, единичныхъ, избирательныхъ округахъ рабочіе, проникнутые классовымъ сознаніемъ, составляютъ большинство избирателей. Если бы нѣмецкая соціалъ-демократическая партія придерживалась строго-классовой программы и отвергала бы поддержку буржуазной демократіи, то она вмѣсто восьми десятковъ народныхъ представителей, принадлежащихъ къ ней въ настоящее время, имѣла бы, можетъ быть, только одинъ или два десятка и во всякомъ случаѣ не могла бы играть никакой существенной роли въ парламентской борьбѣ.

Правда, не всѣ соціалисты придаютъ вообще большое значеніе парламентской борьбѣ, многіе считаютъ главной задачей рабочей партіи—организацію кадровъ *для будущаго*, когда рабочій классъ вступитъ въ *окончательную* борьбу съ буржуазіей. Но исторія рабочаго движенія показала, что именно эта организаціонная работа *невозможна* безъ энергичнаго участія въ парламентской борьбѣ, необходимой не только для отвоеванія благопріятныхъ условій для самой организаціонной работы, но также и для того, чтобы заинтересовать рабочихъ, привлечь ихъ къ партіи и удержать въ ней. *Нигдѣ ни въ одной странѣ, ни разу* не удалось организовать болѣе или менѣе значительную рабочую политическую партію, помимо дѣятельнаго участія въ парламентской борьбѣ тамъ, гдѣ парламентъ существуетъ, или въ стремленіи къ парламентскому режиму тамъ, гдѣ его еще нѣтъ.

А парламентская борьба, какъ мы уже упомянули, невозможна безъ коалицій, безъ „парламентированія". Вильгельмъ Либкнехтъ мѣтко отмѣтилъ это въ цитированной нами рѣчи словами. „Wer mit Feinden parlementelt, parlementirt; wer parlementirt, paktirt". Либкнехтъ, впрочемъ, высказался тогда (въ 1869 г.) противъ участія соціалистовъ въ парламентѣ; но скоро онъ самъ вошелъ туда и сталъ самымъ страстнымъ сторонникомъ участія въ парламентской борьбѣ. „Если бы мы рѣшились (тогда) придерживаться политики воздержанія,—сказалъ онъ въ 1888 г., то мы понынѣ были бы еще *сектой, а не партіей*" *). Оказалось необходимымъ „парламентировать" и „тактировать".

*) Въ предисловіи къ новому изданію той же рѣчи.

Не всѣ на это способны, не всѣмъ это по вкусу; въ особенности буржуазные идеологи имѣютъ антипатію къ такой тактикѣ, неизбѣжно ведущей къ компромиссамъ.

Эта антипатія играла, вѣроятно, значительную роль въ извѣстномъ движеніи „молодыхъ" начала девяностыхъ годовъ, въ тотъ моментъ, когда соціалъ-демократическая партія, послѣ испытаній исключительнаго закона, обнаружила особенно сильную склонность къ коалиціонной тактикѣ. Движеніе „молодыхъ" подняло въ свое время много шума, но реальныя послѣдствія оно имѣло только лично для его вожаковъ: они были *исключены* изъ соціалъ-демократической партіи. Идейное содержаніе этого движенія состояло изъ обычныхъ обвиненій въ измѣнѣ принципу классовой борьбы; въ буржуазныхъ тенденціяхъ и т. под.; партія сначала смѣялась надъ ними, потомъ, когда „молодые" не унимались, стала приходить въ раздраженіе и наконецъ, когда они начали бросать грязью въ старыхъ вождей, указала имъ на дверь... Скоро послѣ этого эти рыцари классовой борьбы безъ страха и упрека предались разнымъ литературнымъ и художественнымъ хитроуміямъ fin de siécle и нашли въ этомъ удовлетвореніе; они, повидимому, довольны. Партія— тоже. Благодаря своей тактикѣ, соціалъ-демократическая партія въ сравнительно короткое время объединила большинство рабочаго класса, привлекла на свою сторону значительную часть буржуазнаго класса, стала во главѣ всей демократіи, всей оппозиціи и почти завоевала моральное господство надъ общественнымъ мнѣніемъ.

Въ послѣдніе годы „старикамъ" приходится бороться съ движеніемъ прямо-противоположнаго характера, извѣстнымъ подъ именемъ „ревизіонистскаго". Сущность этого новаго движенія, конечно, знакома читателямъ: ревизіонисты утверждаютъ, что старая теорія соціалъ-демократическаго движенія въ извѣстныхъ пунктахъ устарѣла и не соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу вещей, *практикѣ движенія*. Справедливость этого мнѣнія въ общемъ не отрицается и „стариками"; при возникновеніи движенія самъ Карлъ Каутскій привѣтствовалъ его, какъ законное, необходимое и полезное явленіе. Но когда свободная критическая мысль развернулась во всю свою ширь и начала колебать такіе принципы, которые считались до тѣхъ поръ главными устоями движенія, и въ рядахъ партіи возникли изъ-за этого глубокіе раздоры,—старые вожди соціалъ-демократіи признали необходимымъ воспротивиться дальнѣйшему развитію ревизіонистскаго движенія. Это оказалось нелегкимъ дѣломъ: пробужденная критическая мысль энергично защищала свое

право на существованіе, и движеніе приняло характеръ оппозиціи противъ старыхъ вождей. Это еще болѣе запутало дѣло, еще болѣе обострило взаимныя отношенія членовъ партіи и внесло разстройство въ самую практическую работу. Теоретическія противорѣчія, тактическія разногласія и личныя симпатіи и антипатіи перепутались между собою и образовали истинный „гордіевъ узелъ", котораго никто не могъ распутать. Это ярко обнаружилось на дрезденскомъ съѣздѣ партіи, который почти всецѣло былъ посвященъ этому вопросу, но, вмѣсто выясненія, еще больше запуталъ его; великія проблемы объ отношеніи теоріи къ практикѣ, марксизма къ соціализму, соціалъ-демократіи къ демократіи, и проч. и проч., были переплетены съ крайне мелочными вопросами объ отношеніяхъ Франца Мейринга къ Генриху Брауну и т. под. Это жалкое измельчаніе столь важнаго спора между т. наз. „радикалами" и т. наз. „оппортюнистами" внушило обѣимъ сторонамъ желаніе во что бы то ни стало прекратить на время этотъ споръ. Поэтому резолюція Бебеля, Каутскаго и Зингера, преслѣдовавшая эту цѣль, прошла почти единогласно. За исключеніемъ Бернштейна, почти всѣ выдающіеся „ревизіонисты" голосовали за эту резолюцію: напр., Ауэръ, Генрихъ Браунъ, Гейне, Легіенъ, Зюдекумъ, Фольмаръ.

Упомянутая резолюція осуждаетъ „ревизіонистскія стремленія измѣнить старую, испытанную, побѣдоносную тактику партіи"; но большинство ревизіонистовъ вовсе не стремится къ коренному измѣненію старой тактики, а, напротивъ, настаиваетъ на ея послѣдовательномъ примѣненіи и развитіи. Если ревизіонисты тѣмъ не менѣе примирились съ резолюціей, имѣющей характеръ порицанія по ихъ адресу, содержащей при томъ еще другія противорѣчія, то они и въ этомъ отношеніи слѣдовали старой, испытанной тактикѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи, всегда жертвовавшей теоретическими разногласіями—практическому единству партіи. Эта тактика, въ основѣ которой лежитъ принципъ: „интересы *партіи* выше интересовъ *теоріи*", всегда господствовала въ нѣмецкой соціалъ-демократіи, съ самаго ея основанія и во все время ея существованія. При основаніи партіи, объединившей „лассальянцевъ" съ „марксистами", противорѣчащіе другъ другу принципы Лассаля и Маркса были соединены въ общей программѣ, которая, понятно, никого вполнѣ не удовлетворяла, но всѣми была признана программой партіи. То же самое произошло въ 1891 году при выработкѣ новой, „эрфуртской" программы; она была принята представителями партіи *единогласно*, но мо-

жетъ быть, ни одинъ изъ нихъ не согласенъ со всѣми ея пунктами.

Карлъ Марксъ писалъ: „*каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины програмъ*“ (см. „Neue Zeit“, 1890—91, Bd. 1, p. 562). Этимъ принципомъ нѣмецкая соціалъ-демократія руководствовалась во все время ея существованія и ему она въ значительной степени обязана своими безпримѣрными успѣхами.

Нельзя однакожъ отрицать, что положеніе, въ которомъ находится теперь нѣмецкая соціалъ-демократія, сопряжено съ большими опасностями для ея соціалистическихъ идей. Коалиція рабочихъ съ буржуазными демократами имѣетъ въ этомъ случаѣ слишкомъ интимный характеръ и больше похоже на *смѣшеніе*; буржуазные элементы составляютъ, по нашимъ вычисленіямъ, около четвертой части всей партіи, съ ними уже теперь приходится считаться, а со временемъ ихъ вліяніе, вѣроятно, будетъ усиливаться и можетъ даже стать преобладающимъ, хотя бы они и оставались количественно въ меньшинствѣ. Положеніе несомнѣнно ненормальное. При нормальномъ ходѣ вещей коалиція должна была бы произойти между самостоятельной чисто-рабочей партіей и самостоятельной буржуазно-демократической партіей, она должна была бы имѣть форму *внѣшняго* союза для точно опредѣленныхъ цѣлей, какъ, напр. взаимная поддержка при выборахъ, общая тактика по отношенію къ правительству и т. под.; во всемъ остальномъ союзники были бы совершенно независимы. Коалиція имѣла бы тогда много сходства съ союзами различныхъ государствъ для опредѣленныхъ дипломатическихъ и военныхъ цѣлей; эти союзы вѣдь также организованы по принципу: „getrennt marschiren, vereint schlagen“!

Но для дипломатическихъ союзовъ необходима дипломатія, народы не могутъ вести дипломатическіе переговоры непосредственно другъ съ другомъ, всей массой; это дѣло представителей, вождей. А вожди нѣмецкой демократіи *не хотѣли* брать на себя этого дѣла, потому что они *не хотѣли союза*, не хотѣли коалиціи. Послѣдняя заключена была по этому *за спиною вождей* самими массами, почти стихійно и поэтому приняла характеръ *массового смѣшенія*.—„Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно!“— *Коалиціи составляютъ природный элементъ политической жизни*.

Безъ коалиціи успѣшная политическая дѣятельность вообще невозможна. Это прекрасно понимаютъ *старыя партіи*, и всегда съ этимъ считаются,—въ этомъ тайна

ихъ успѣховъ; молодыя демократическія партіи съ этимъ не считаются, — въ этомъ причина ихъ многочисленныхъ неудачъ. Реакціонныя партіи тѣсно соединены другъ съ другомъ и всегда заботятся о сохраненіи солидарности въ своихъ рядахъ, а также—о внесеніи раскола въ ряды своихъ противниковъ; прогрессивныя партіи нерѣдко поступали прямо наоборотъ: свою собственную партію они разъединяли, а противную армію сплачивали. При такой тактикѣ реакціи не трудно было сохранить за собою господство въ государствѣ.

Но теперь демократія, слѣдуя указаніямъ историческаго опыта, освобождается отъ этой тактики и, разрушая искусственныя препятствія, все болѣе и болѣе сплачивается въ единую, компактную армію, которая уже однимъ своимъ грознымъ видомъ заставляетъ темныя силы реакціи отступать и капитулировать.

Изданія Е. Д. Кусковой:

1) **С. Н. Прокоповичъ.** Кооперативное движеніе въ Россіи. Цѣна 1 р. 50 к.

2) **Генрихъ Риккертъ.** Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. Переводъ съ нѣмецкаго М. Фитермана. Цѣна 25 коп.

3) **Генрихъ Риккертъ.** Границы естественно-научнаго образованія понятій. Логическое введеніе въ историческія науки. Переводъ съ нѣмецкаго А. Водена. Цѣна 3 руб.

4) **А. Веберъ.** Ростъ городовъ въ 19-мъ столѣтіи. Переводъ съ англійскаго А. Котельникова. Цѣна 2 р. 50 к.

5) **Филиппъ Лангманъ.** Драмы и новеллы. Изъ жизни рабочихъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Толмачевой. Цѣна 1 р. 35 к.

6) **І. Шмеле.** Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи со времени изданія закона противъ соціалистовъ. Переводъ съ нѣмецкаго И. Давидсона. Цѣна 1 р. 75 к.

7) **С. Н. Прокоповичъ.** Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Цѣна 2 руб.

8) **П. М. Головачевъ.** Россія на Дальнемъ Востокѣ. Цѣна 1 руб.

9) **С. Н. Прокоповичъ.** Къ рабочему вопросу въ Россіи. Цѣна 1 руб.

10) **С. Н. Прокоповичъ.** Союзы рабочихъ и ихъ задачи. Цѣна 5 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ:

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: 1) Книжный магазинъ **О. Н. Поповой,** Невскій, 54; 2) **Н. П. Карбасникова,** Литейный, 48; 3) Т-во **„Общественная Польза“,** „Б. Подъяческая, 39.—Въ МОСКВѢ: 1) Книжный магазинъ **„Трудъ“,** Тверская ул., д. Бахрушиныхъ; 2) **Н. П. Карбасникова,** Моховая улица.

Тип. Гр. Скачкова. Владимірскій пр., 7.


2007058736